

МИХАИЛ КОНОНОВ

ГРОН И АГРОН

Михаил Кононов
Грон и Агрон
Серия «Страдания.
Мучения. Боль», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67963055

SelfPub; 2023

Аннотация

События четвёртой книги в серии происходят примерно за три сотни лет до времени, когда начинается история Азиэля. Книга рассказывает о двух братьях, которые не строят иллюзий о своём посмертии и верят лишь в один итог – они попадут в преисподнюю. Не желая испытывать гостеприимство и все муки ада, одному из них приходит гениальная, по его мнению, идея – стать самыми известными и жестокими головорезами в империи, а желательно и в целом мире. Но никто из них и предположить не мог, насколько это была глупая затея и чем она может закончиться.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Михаил Кононов

Грон и Агрон

Орки

Глава 1

– Вот ты говоришь “Боги”, – сказал молодой парень, четырнадцати лет отроду, по имени Агрон. – А что они дали нам, твои боги?

– Вообще-то я молчал, – удивлённо сказал ему другой, на пару лет младше.

– Нет, Грон, ответь мне, – не обращая внимания на слова своего брата, продолжил старший брат. – Ты постоянно говоришь мне о богах. Наши родители были набожные, и что? Отец погиб пару лет назад на войне, которая ему нужна была, как собаке пятая нога. Воевал против своих же так сказать, хоть им и задурили голову святоши. Мать мы похоронили с тобой два дня назад. И где вот они сейчас по-твоему?

– Эм-м... – неуверенно протянул младший брат. – С богами на небесах?

– Ага, держи карман шире! – уставившись в стену родного дома, злобно рявкнул Агрон. – Отец убивал людей. Какая там первая заповедь у святош? Какой там из старых богов поощряет убийство? М-м-м, да, точно – никто. Мать после смерти отца раздвигала ноги направо и налево...

– Не говори так! – резко перебил его младший.

– А что, не так?! – удивлённо посмотрел на него Агрон. – Ты что думаешь, что все эти мужланы ходили к ней просто

так проведать? Или ты думаешь все эти отсрочки бандиты и сборщики на рынке ей тоже по доброте душевной давали, за красивую улыбку?

Грон совсем поник. Он и правда верил, что люди были добры к ним и к их матери после смерти отца. От него им досталась на центральном рынке лавочка, но за неё нужно было платить. Сборщикам пошлины, бандитам, поставщикам, даже стражникам. Отец не был искусным воином, но он делал отличные арбалеты и болты к ним. Агрона он успел научить ладить совсем простенькие и небольшого размера, на что у парня хватало сил. Грон же преуспел в изготовлении болтов к ним. Наконечники приходилось закупать у местных кузнецов, но ничего, как говорила мать – именно младший брат зарабатывает им на хлеб.

– Молчишь? В аду они, братишка, за убийство и прелюбодеяние, – от досады старший пнул лежавшее на полу полено. – И нам туда дорога.

Дерево ударилось о каменную стену. Каменную – потому что братья жили не в какой-то там лачуге в деревне. Они жили в добротном доме в столице Долонии Танерхольме. Дом был совсем небольшим – три кровати да печь с обеденным столом. На стенах висели несколько арбалетов, сделанных их отцом, был герб королевства – двуглавый лев. Отец им очень гордился, ведь ему его подарили за хорошую службу.

– А почему нам тоже в ад-то? – поинтересовался младший. – Я каждый день молюсь, мы не сделали ничего плохого.

го.

– Пф, молится он, – фыркнул Агрон. – Ничего плохого говоришь? А кто отравил травника шесть лет назад?

– Так мы же случайно, мы не знали, что те грибы были ядовитые, – удивился Грон.

– Ты не знал, а я знал, – ухмыльнулся старший.

– Как?! – воскликнул Грон.

– Да вот так. Когда я понял, что старик ни черта отличить уже не может обычный белый гриб от желчного – решил проверить чем это закончится. Я думал его просто стошнит, а он кони двинул, – пожав плечами, ответил Агрон. – А ты, стало быть, в этом участвовал, ведь ты их ему принёс.

– Это... это не считается, я не знал! – тут же замахал руками младший.

– Всё ты знал, маленький ты просто был, уже и не помнишь. А твои боги всё помнят, – лукаво усмехнулся он.

– Боги дали нам крышу над головой и достаток, – возразил Грон. – У меня вон даже башмаки есть!

– А не хватавшие деньги на них ты где взял? – брат указал на потрёпанные кожаные ботинки, что стояли у кровати. – Ах да, точно! Украл ведь в соседней лавке, когда купец Вáнек отвернулся. Какому богу ты там молишься вечно, Эладану? Ну и как, справедливо это по-твоему?

– За кражу пары серебряников в ад не бросают... – угрюмо ответил ему младший.

– Бросают, не бросают... Дорога нам один чёрт туда. Я не

собираюсь прожить всю свою жизнь стоя на коленях и расшибая лоб в молитвах богам, что бросили нас тысячи лет назад. И тебе не позволю! – грозно сказал Агрон.

– Ты это чѐм? – удивлѐнно спросил его брат. – Что ты задумал?

– Задумал я, братец мой, что раз уж всё равно нам не избежать попадания к демонам, так нужно нам туда прийти не с пустыми руками, – злобно оскалился старший. – Что я и понял из всей этой религии, так это то, что чем страшнее твои грехи были при жизни, тем почетнее будет твоѐ место в аду.

– Вообще-то нет, тем страшнее будут твои мучения, – возразил ему Грон.

– Мучения так и эдак будут. А ты вспомни, что рассказывали нам жрецы в храме Амендиля, – Агрон задумчиво почесывал подборок. – С тех пор их слова не давали мне покоя. Я хорошо запомнил две вещи – чем страшнее мучения, тем в более сильного демона превращается душа. А чем страшнее грехи на земле – тем сильнее мучения. Из их примеров самых известных злодеев, что помнила история, мне хорошенько западали в голову те, кто был при жизни настолько грешен, что, попав в ад, их там ждали с распростѐртыми объятиями и они тут же становились властными демонами.

– Брат мой, ты меня пугаешь, – с расширенными от ужаса глазами, сказал младший.

– Таким образом, братишка, родилась у меня вчера

идея, – не обращая внимания на слова собеседника, продолжил Агрон. – Безгрешной мирской жизнью мы жить не сможем, уже и так нагрешили. Сколько раз мы воровали? Травника убили... А врали сколько раз, прикрывая друг друга? Нет, братец, остановись щас моё или твоё сердце – не видать нам небес да богов.

– Грехи можно искупить! – завопил было Грон.

– Цыц! – прервал его старший. – Можно искупить говоришь. А цену этого искупления кто знает, а? То-то и оно, что нет. А вот что мы можем действительно сделать – узнать про ад как можно больше. Я не знаю как, но об этом точно должны знать маги. Просто так они не расскажут, но деньги развязывают языки всем. Продадим лавку, будем воровать, убивать если придётся. Разбогатеем, заплатим магам за их знания. И тогда будем знать, что нам делать.

– Ты... придумал это вчера? – с неподдельной грустью спросил Грон. – На следующий день после похорон матери? Я весь день молился за её душу, а ты придумал ЭТО?

– Знаешь, если ты так веришь в своих богов, тогда быть может, проведем простой опыт? До утра осталось пара часов, давай в одну руку ты будешь молиться, а в другую срать. Посмотрим какая быстрее наполнится, и если вторая – то поступим по-моему.

– Что? Это так не работает! – воскликнул младший.

– В нашем мире это работает именно так! – схватив за рубаху брата, громко, прямо в лицо сказал ему Агрон. – Утром

жители этого города молятся во всех храмах, а вечером – бухают и жарятся в борделях без какого-либо зазрения совести! Посмотри сколько жиртрестов среди жрецов, особенно у этих святош из Богограда! Посмотри, как украшены их храмы! Это всё от безгрешной жизни? Наша мать вынуждена была ублажать кого ни попадя, лишь бы у нас была еда и крыша над головой, сильно помогли ей твои молитвы? Она умерла от болезни, от которой мрут только шлюхи!

Агрон отпустил рубаху брата. Тот угрюмо сидел на своей кровати. Спустя несколько минут сквозь слёзы он сказал:

– Она страдала последние недели. Ей так было больно...

– Да, было. И пока ты молился по вечерам, я трижды ходил воровать для неё лекарства. Один раз даже поймали, – Агрон поднял рубаху, на животе и рёбрах было несколько ссадин и синяков.

– Так вот где ты пропадал. – только и сказал младший.

– Сколько в лавке нашей не стой, много не заработаешь. Без авторитета отца и материнских... услуг, мы едва на пошину соберём. Делать мы ничего не умеем, и эти ботинки – он снова указал на кожаные сапоги у кровати, – последнее, что ты покупал в своей жизни на заработанные более-менее честным трудом деньги. И если ты там подумываешь пойти служкой в храм, то я так бездарно тратить свою жизнь не намерен. И тебе не позволю!

– И что ты предлагаешь, жить ворами и грабить честной народ? – презрительно скривился Грон.

– Кое-что... интереснее. Сегодня увидишь. Лавку открывать через три часа, давай поспим немного.

Братья легли спать. В печи ещё потрескивал огонь. Грон обдумывал слова брата, хоть они ему и не нравились. Что действительно дали им боги? Отец с матерью дали братьям жизнь, но боги отняли их. И война, на которой погиб отец, была с руки той же церкви человеческого бога. Почему тогда старые боги не защитили его? Как и Грон, отец больше всех чтит Элладана, бога справедливости. “Но в чём здесь справедливость” – не мог понять младший из братьев. Быть может, Агрон прав? Не стоит тратить свою жизнь на служение тем, кому на тебя плевать.

Старший же из братьев думал о том, что должно случиться сегодня днём. Ведь это не обычный день – сегодня бандиты должны были явиться за деньгами несмотря на то, что всего два дня назад братья похоронили мать. Грон не знал этого, так как меньше всех участвовал в семейной торговле. А денег у братьев осталось не так, чтобы много.

* * * * *

Как бы братьям не хотелось спать, но городской колокол был безжалостен. Как и каждое утро, в него трезвонили что было мочи, давая простому народу знать, что пора вставать и вкалывать до последних сил. Парни умылись, поделили краюху хлеба, да выдвинулись на рынок. Они не особо спешили, желающих нынче пополнить запасы болтов или тем бо-

лее купить сколь недорогой, столь и не самый добротный арбалет, было не так много. А теперь, когда за прилавком не стоит кокетливая продавщица, лавочку и вообще можно было прикрывать.

Идя по улице, Грон всматривался в лицо каждого человека, что встречался ему по пути. Он стал смотреть на людей иначе. По их лицам, он пытался определить, кто из них как вчера провёл вечер. Глядя на очередное лицо, он с надеждой желал увидеть банальную усталость от тяжёлой работы, недосып, обыденную грусть, или же наоборот радость. Но большинство людей, что повстречались ему на улице, были или ещё пьяны, или уже пьяны, или опухшие после попойки. Но обиднее всего ему было, что все эти люди шли молиться в район храмов. Как же он раньше не обращал на это внимания? Он ведь сам старался не пропускать ни одной службы, и каждый день видел этих людей. Как так можно жить? Это то, что ждёт и его, если он не последует за старшим братом? Утренняя молитва и вечерний кутёж? Неудивительно, что боги отвернулись от лицемерных людей.

Агрон же на людей не смотрел и вообще. Он предвкушал сегодняшнюю встречу. Думал, как лучше поступить, снова и снова. Он не раз видел, как мать платила деньги бандитам. Ничего сложного, когда деньги эти есть. Да, у братьев была кубышка прямо в лавке, в которую мать откладывала деньги на чёрный день. День, который случился два дня назад. И хоть после трат на похороны, дабы мать не бросили

гнить в канаве, их заначка изрядно оскудела, денег там хватило бы откупиться разок-другой от бандитов, даже страже заплатить. Но что делать дальше? Такой расклад старшему из братьев не нравился. С этими кошмарными поборами пора было кончать.

Несмотря на утреннюю службу, на рынке было довольно много людей. Вот только никому из них не были интересны ни арбалеты, ни болты к ним. Братья открыли свою лавку и начали ждать прихода бандитов. В том, что те придут, Агрон не сомневался. Так как ребята были в оружейной части рынка, справа от них находилась лавка продавца щитов. Они давно были знакомы, но не особо общались. А вот слева от них располагалась лавка того самого Вáнека, у которого в своё время Грон прикарманил несколько недостающих монет на ботинки. Владелец продавал луки и стрелы к ним, и уже долгое время мечтал, чтобы его главные конкуренты закрылись. Несмотря на то, что лук и арбалет являлись кардинально разным оружием и имели своё собственное предназначение для использования – Вáнек был уверен, что если бы он изжил своего конкурента, то дела сразу бы пошли у него в гору. Вот и сейчас, несмотря на то что братья на днях потеряли мать, он не скрывал своей радости и сказал парням:

– Ну что, молодежь, – потирал он свои ручки, – остались вы вдвоём. А я говорил вашей мамашке, продай ты мне лавку. Теперь лишь подождать мне немного надо, да прикроетесь вы. А я уж расширюсь, да разбогатею. В знак нашей

дружбы могу вас служками к себе нанять, а, как вам идеяка?

— Мы никогда с тобой не дружили, маленький толстяк, — даже не поворачивая головы, сквозь зубы ответил ему Агрон. — И уж не знаю, что ждёт нашу лавку, но я сделаю всё, чтобы она досталась кому угодно, но только ни тебе!

— Какие мы грозные! — усмехнулся купец. — Когда вы подохнете от голода, куплю ваш дом и открою в нём бордель. Там будут драть шлюх по самой низкой цене, как все драли вашу мать.

Агрон было потянулся за заряженным арбалетом, но младший брат схватил его за руку и посоветовал не обращать на толстяка внимания. Вáнек рассмеялся и вернулся в свою лавку. Старший брат думал о том, есть ли у него шанс пробраться ночью на хорошо охраняемый рынок и спалить обидчику лавку, или же лучше и вовсе убить его ночью около дома. Грон же размышлял о том, сколько же злых людей в этом мире, и быть может, его брат прав и пора завязывать с бесполезными молитвами.

Не прошло и часа, как появились те самые бандиты, которых так ждал Агрон. По рынку ходил довольно высокий и очень толстый мужлан в окружении пары шалопаев помельче. Он собирал дань ежедневно, и вне зависимости от того, платили ему деньги или нет, он непременно брюзжал слюной и угрожал всякому, кто удумает на следующий день не заплатить. Так очередь дошла и до наших ребят.

— Чё, опарыши, сдохла мамка? — оскалившись, спросил

бандит. – Я вам пару дней дал сопли попускать, теперь возвращаемся в график и гоним монету. Нет монеты – есть люля, нет монеты на следующий день – есть большие люля, нет монеты на третий день...

– Да-да, очень большие люля, мы поняли, ты жирный кусок дерьма, – вдруг сказал ему Агрон.

От такой наглости толстяк вошёл в ступор, а у его спутников глаза на лоб полезли. Даже Вáнек, слышавший разговор, встал с отвисшей челюстью. Спустя мгновение жиртрест начал приходить потихоньку в себя и потянулся было за своей шипастой дубиной, но Агрон ловко выхватил из-под лавки заряженный арбалет и наставил прямо на собеседника. Грону же ничего не пришло в голову лучше, чем схватить лежавшие на стойке по острому болту в каждую руку. Хоть выглядел он совсем не грозно, но его лицо было полным решимости броситься на врага и защитить своего брата. Агрон обратился к своему обидчику:

– Жир на твоём мамоне может и смягчит выстрел, но этот арбалет делал мой отец – войдёт по самое оперенье, – грозно сказал старший. – Так что, если хочешь уйти отседова в добром здравии – самое время тебе валить. И передай своим, если они хотят денег, то я хочу говорить с их главным, а не мелкой падалью, вроде тебя.

– Ты... ты... – толстяк не находил слов и лишь источал смрад из своего рта, полного слюны от злости, – да я тебя на куски...

– Что здесь происходит!? – вдруг послышался чей-то мощный голос.

Голос принадлежал главному патрульному стражу. Он и пятеро вооружённых до зубов товарищей внезапно выросли за спинами головорезов. Центральный рынок – экономическая артерия столицы, и охраняла его королевская гвардия. Их украшенные двуглавым львом доспехи сияли на солнце, их алебарды были остры настолько, что, казалось бы, разрезают сам воздух. Хотя этого, конечно же, видно не было, но многие в это верили.

– Пока ничего страшного, добрый господин, – опуская арбалет, с доброжелательной улыбкой сказал Агрон. – Вот этот вот товарищ заказал целый колчан особых болтов, мы неделю над ним трудились, а теперь он отказывается платить.

– Ч-чего?! – только и вылупился толстяк.

– А это, господин, работа на целых два серебряника! – старший потряс одним из колчанов перед носом толстяка.

– Это правда? – грозно спросил капитан. – Коли так, гони мальчикам монету, не то брошу в темницу, где тебе и самое место!

Капитан прекрасно знал этого толстяка и чем он со своими головорезами занимается, поэтому с удовольствием искал повод чтобы действительно посадить за решётку кошмарившего весь рынок головореза. Обладатель излишнего жира на своём теле это прекрасно понимал, и не нашёл ничего лучше, чем достать кошелек и заплатить целую гору ме-

дяков, ведь серебра у него не было. Он отсчитывал каждый медяк медленно, смотря с дикой ненавистью Агрону прямо в глаза.

– Пошевеливайся давай, я тут не собираюсь стоять до пришествия богов! – гаркнул капитан и пнул древком алебарды в толстяка.

Тот взвыл от боли и вывалил все медяки прямо на лавку. Не желая злить капитана дальше, он лишь проямлил что-то о том, что монет просыпалось больше, а лишнее пусть мальцы забирают, у них и так мать недавно померла. И тут же вместе со своей так называемой свитой быстрым шагом, что удивительно для его телосложения, упёр в неизвестность.

– Мальцы, вы чего удумали? Жить в этой лавке собрались, что ли? – нахмурившись, спросил ребят капитан. – Запрещено.

– Нет, что вы, добрый господин! – замахал руками Агрон. – У нас и дом есть, добротный каменный, от отца да матери достался.

– Знаю я, кто был ваш отец, и как померла ваша мать, – не меняясь в лице, рякнул страж. – И кто эта мразота я знаю тоже. Стоит вам выйти за пределы рынка, домой уже не дойдёте.

– Не боимся мы его, – насупился Грон и сжал кулаки.

– А надо бы! – гаркнул капитан. – И вы тут если думаете, что мы по доброте душевной вам помогли, то ошибаетесь. Мир слабаков не поощряет, а мои люди тоже хотят есть. Раз в

неделю платите за охрану, иначе в следующий раз мы можем пройти мимо. И не вздумайте пихать мне эти сраные медяки! Серебро. Раз в неделю. Ясно!?

– Ясно, “господин”, – Агрон сделал полный неуважения и презрения акцент, отвечая капитану.

Последний не обратил никакого внимания и продолжил патрулирование. На Агрона издалека полный изумления смотрел Вáнек и не менее удивлённо на него же смотрел и младший брат.

– Что это было? Нас же теперь порешат! – схватил за рубаху его Грон.

– Цыц, малявка! – шёпотом прикрикнул на него старший. – Ты серьёзно думаешь, что мы тут банчить стоять до конца жизни будем? Завтра придёт их главарь, я хочу загнать им лавку в обмен на членство в банде.

– Ты что, с ума сошёл? – от удивления глаза Грона стали размером с монету. – С чего ты взял, что вообще кто-то придёт? Правильно страж говорит, пришибут нас ночью и всё делов-то.

– Не пришибут! – гаркнул Агрон. – Придёт, выбора не будет. Им действительно либо убивать нас, либо договариваться. Ночевать сегодня будем не дома, а в храме, туда всех бездомных пускают, от одной ночи не помрёшь без кровати. Там нас убивать не будут. А лавочку прикроем сейчас, вот им и интересно станет, чаво мы удумали. Собирайся, зайти ещё надо кой-куда.

– Это куда же? – поинтересовался младший.

– Увидишь, – бросил ему Агрон и полез под лавку.

Оттуда он достал их заначку. Там было всего несколько серебряников да горсть медяков. Окинув взглядом лежащие на витрине медяки, одобрительно что-то пробормотав, он начал запихивать их в мешочек, служивший им кошельком. Закончив укладывать деньги, он снова юркнул под лавку и чего-то там долго копошился. Наконец, когда он вылез, в его руках было два свертка. Это были походные плащи, в которых отец ходил в походы. А в них – два небольших арбалета, которые удобно было прятать под этими самими плащами.

– Зарядить такой даже у тебя сил хватит, – хлопнул по плечу он Грона. – Отец говорил, что такие любят всякого рода бандиты и отребье, расходились, как пирожки у бабки Маси. Я притырил пару штук ещё года три назад. Чудом ни мать, ни отец их не нашли за всё время у нас во дворе.

Парни собрали вещи и принялись закрывать лавку. Грон поглядывал с опаской на брата и думал, сколько же времени назад он начал всё это планировать? Для чего он украл у отца эти арбалеты? Почему не попросил изготовить попросту их? Да, жили они не так чтобы богато, но уж для родных детей отец мог бы и смастерить. Тем более он учил изготовлению Агрона, почему именно украл? Учился б он усерднее, глядишь и сам бы сделал. А вот Агрон ни о чём не думал, лишь оглядывался по сторонам и в спешке куда-то шёл. Грон едва поспевал за ним. Далеко они не ушли – остановились

у лавки с различными кинжалами и ножами. Причём стояла она так невзрачно и поодаль остальных, что, казалось бы, это самое невыгодное место для торговли на всём рынке.

– Здорова дядь, – поприветствовал Агрон торгоша. – Нам бы пару стилетов добротных, чтоб под рукав спрятать можно было.

– И тебе не хворать, – улыбнулся купец. – Нема у меня такого, стражей продавать скрытное оружие запрещено.

– Ага, баб до свадьбы мять нельзя, только борделей в каждом районе с десяток, – хмыкнул Агрон и положил мешочек со всеми их деньгами на лавку.

Купец открыл мешочек, один раз цокнул, второй, оглядел братьев с ног до головы, да издал такой звук своим ртом, схожий на мощный пук после несваренья желудка. Но, как говорится, если денежку человек потрогал, назад возвращать уже не хочется. Он спрятал мешочек под лавку, и куда-то удалился. Спустя несколько мгновений он вернулся и протянул Агрону небольшой свёрток.

– Не бог весть что, но в кости не застрянет, – купец сделал гримасу, мол за что заплатили, то и получили. – За само ношение такого оружия стража без вопросов упрёт вас в темницу. На разбойников вы не похожи, ума не приложу для чего оно вам, но мне плевать. Если вас поймают, и вы не хотите “потеряться” в темнице – вас здесь никогда не было и оружие вы достали где угодно, но только не у меня.

Агрон молча кивнул, забрал свёрток и братья ушли. По

дороге на выход из рынка они купили на самые что ни есть последние медяки немного еды, после чего отправились в район храмов. По дороге Грон не выдержал и спросил брата:

– Откуда ты узнал, что у него можно купить такое оружие? И что делать, если нас поймают? – с неподдельным страхом спросил младший.

– Если не орать на улице об этом, то нафиг никому мы не сдались, – злобно ответил Агрон. – Знаю и знаю, я ж не всё время торчал в лавке и тем более не молился вечерами напролёт непонятно кому.

Грон притих. И правда оживлённая улица не самое лучшее место для его вопросов. А так как они не были босяками, у них была чистая одежда и они прилично выглядели – никто их обыскивать и не подумал бы. Главное выглядеть уверенным и самому не давать повода.

Агрон же шёл так, словно твёрдо знал что делает. Только лишь глазами постоянно что-то выискивал. На самом деле он не на шутку боялся, что хоть и прошло очень мало времени, но за ними уже могут следить из банды того толстяка. С одной стороны на оживлённой улице нападать не с руки, а с другой – очень легко затеряться в толпе. Поэтому шансы получить нож под ребро довольно высоки, как считал Агрон.

Парни шли быстро, и вскоре вышли на храмовую площадь. Бесспорно, это была самая красивая площадь не только в городе, но и во всей империи. Так как ребята никогда не путешествовали и нигде не были, то для них это было самое

красивое место в мире. На площади стояли шесть величественных храмов, а посередине – большой фонтан. Грон слышал, что по преданиям на месте этого фонтана раньше было огромное место жертвоприношения. Сейчас же здесь вместо жертвоприношений устраиваются празднества. Или казни. В любом случае красота этого места не оставляет равнодушным никого. Возможно, именно благодаря величественности этого места простой народ не утрачивает веру в старых богов.

– Выбирай, – бросил Агрон.

– Что выбрать? – удивился брат.

– Ты тут часто трёшься, в каком храме укроемся? – улыбнулся старший.

– Элладана, конечно, – нахмурился Грон.

– Ах, ну да, – скривился Агрон. – Бог справедливости, в которого ты так веришь.

Братья двинулись к храму Элладана. Храм был украшен огромными весами, на которые распростёртыми руками указывала статуя бога. Якобы левая рука указывала на благие дела, а правая – на дела грешные. И хоть весы были ненастоящие, а лишь каменной скульптурой, честной народ верил, что рано или поздно одна из сторон перевесится, и Элладан снова явится в этот мир. Одни говорили, что он покарает их за грехи, другие истово верили, что наградит за их служение. Смотря какая из чаш перевесит. Вероятно, поэтому народ и считал, что если вечером нагрешить, а с утра хорошенько

помолиться, то равновесие будет восстановлено и им ничего не угрожает.

Парни зашли внутрь храма. Помещение могло укрыть здесь сотни человек в тяжёлый час. А если использовать систему подземных тоннелей, которая связывает все храмы со дворцом – то тысячи. Однако сейчас был обычный день, относительно мирное время, но в зале было более сотни отчаявшихся людей. Им некуда было идти, негде спать, не за что есть. Поэтому они расположились прямо на полу храма, брошенные как людьми, так и богами.

– Да уж, чувствуешь, как справедливостью запахло? – съязвил Агрон.

– А что не так? – нахмурился Грон. – Посмотри, как всем этим бедным людям помогают жрецы и служки. Кормят, дают крышу над головой, лечат.

– На любом из этих жрецов золота больше, чем у всех этих людей вместе взятых, – проворчал Агрон. – Справедливо, что одни ничего толком не делают, и у них есть всё, а другие работают с утра до ночи, и у них нет ничего?

– Кто работает, эти что ль? – младший скривил гримасу.

– Сегодня вместо молитв лучше посмотри на людей внимательно. Вон тот, гляди – у него немало шрамов на теле и нет одной кисти. Скорее всего – бывший солдат. А вон на этого смотри – Агрон указал на другого мужика, что был неподалёку и сидя облокотился на колонну, – у него ручища глянь какие, и все в мозолях. Это не какие-то там попрошай-

ки. Эти люди пришли сюда как раз с одним вопросом:” Где в этом мире справедливость?”.

Грон спорить не стал, но действительно начал рассматривать людей. Они уселись со своими пожитками в углу храма, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, но и при этом хорошо видеть вход. Агрон поймал себя на мысли, что нужно было идти в другой храм. Если их будут искать, то все знают, что Грон пуще других бегал в этот храм помолиться. Младший же думал о том, что возможно действительно много уделял времени Элладану, что даже не заметил, как его брат стал таким злым и жестоким.

* * * * *

Ночь в храме прошла без происшествий. На братьев не обращали никакого внимания ни служители храма, ни ищущие в нём пристанища. Как и каждое утро, зазвонил городской колокол. Пора было просыпаться и выдвигаться на рыночную площадь.

– Блин, жопа-то как болит, – пожаловался Агрон.

– Не ругайся в храме! – шёпотом прикрикнул младший.

Братья вышли из храма вместе со своими пожитками, но, к удивлению Грона, двинулись они не к рыночной площади. На немой вопрос старший бросил лишь что нужно кое-куда зайти. Через некоторое время они подошли не куда-то там, а к зданию городского судьи. Это было большое, красивое двухэтажное здание, щедро украшенное гербами коро-

левства и столицы. И конечно же, символикой Элладана.

Обычные граждане города с самого утра занимали очередь, чтобы попасть на приём к такому важному человеку. Но, старший брат гордо прошёл мимо очереди и обратился к страже, а Грон с изумлением услышал следующее:

– Господин Лютеро ждёт нас, – с важным видом сказал Агрон.

– Чё? Вас? – скривился от презрения. – Топайте отседова, пока по шее не получили.

– Грон и Агрон, можете спросить у господина Лютеро, – непреклонно ответил старший.

Стражник нахмурился, погрозил своей алебардой, но всё же юркнул в здание и пропал. Через несколько мгновений он вышел, через шлем почёсывая репу:

– Господин судья закончит встречу и позовёт вас, – буркнул он.

Агрон с гордой улыбкой на лице встал неподалёку и при-топывал ногой, показывая свою важность и нетерпение. Младший же с интересом и страхом смотрел на своего брата. Не в силах превозмочь своё любопытство, он-таки спросил Агрона:

– Как ты выбил встречу у самого судьи и что мы вообще тут делаем? – полным изумления шёпотом спросил он.

– Дак судья заверяет документально любые похороны, тогда-то я и договорился о встрече. Он должен был подгото-вить нам кое-какие документы, – подмигнул ему брат.

Теперь репу стоял чесал Грон. Какие ещё документы? Чего он там удумать мог? Они едва-то грамоте обучены, алфавит знают, да читают с горем пополам, писать и вовсе не умели. Какая связь между старшим братом и таким страшным словом, как документы?

Пока обо всём этом думал Грон, из здания судьи вышел роскошно одетый некий явно богатый господин. Он был одет в яркий камзол и тёмные штаны, а также носил элегантную шляпу с плюмажем. Такое могли позволить себе немногие даже в столице. Сопровождали богача и личная охрана, и под руку шедшая девица. Она была явно младше своего спутника, возможно его дочь. Одета она была в ослепительное платье цвета лета, усеянное различными дорогими украшениями. Братьям не посчастливилось не то, что узнать кто это был, но даже как следует рассмотреть богатея. Девушка, заведя челядь так близко от себя, скривила такую гримасу презрения и тошноты, что едва действительно её не стошнило прямо на братьев. Личная охрана тут же закрыла её взор своими спинами, а братьям лишь послышалось нечто вроде того, что нужно было ещё раньше приходить, чтобы не видеть такую мерзость.

От этого Грону стало не по себе. Они не были с братом уродами или какими-то ущербными, испорченными, калеками. Они даже были относительно чистыми, стараясь каждые пару дней мыться в реке и стирать одежду. От чего такая реакция? Агрон же криво усмехнулся и подумал о том, что для

таких в аду явно есть отдельный котёл, и он с удовольствием бы в нём помешивал кипящее масло.

После того как высокопоставленные или просто же богатые гости удалились, стражник махнул рукой, мол, заходите. Внутри здания было очень много красивых картин с самыми различными изображениями – от богов до мифических существ. Мебель стояла добротная, из прочного дерева. Красивые кожаные кресла так и манили на них присесть. Но присесть никто не предложил. На одном из таких кресел за солидным столом с гравировкой гербов империи и столицы сидел сам судья. Это был пожилой человек с упитанным телосложением, лысеющей головой, на носу которой водружались очки. Завидев мальцов, он тяжело вздохнул, взял какие-то бумаги и без всякого приветствия начал:

– Так, прежде чем я зачитаю документы, покажите мне деньги, – сухо проговорил он. – В противном случае мы сэкономим немало времени, а я поставлю печать на документах, отправляющих вас в темницу. Или на рудники, там уж сами решите.

Явно зная о каких деньгах идёт речь, Агрон неожиданно для всех снял левый ботинок, после чего распутал выдавшую виды портянку, откуда извлёк цельный золотой. Источавший пренепреятнейший запах золотой Агрон протянул судье.

– Нет-нет-нет, о боги! – закрыв нос одной рукой, и отмахиваясь другой, завопил судья. – Вон туда, вон туда!

Судья указал на небольшой сундук, куда складывались

монеты, принятые от челяди. После такие деньги тщательно промывались, прежде чем отправиться в сокровищницу города. Пока Агрон наматывал портянку на ногу, Грон в голове не мог унять мысль, откуда же такое состояние у его брата.

– Что ж, похоже рудники сегодня останутся без вас, – вздохнул власть имущий и принялся зачитывать подготовленные им документы.

Чем дольше городской судья зачитывал документы, тем сильнее шевелились у младшего брата волосы на всём теле, где успели вырасти. Агрон же, слушая предельно внимательно, не пропустил ли чего судья, лишь улыбался всё шире и шире.

Суть же документов была такова. Первый был завещанием от обоих братьев. В случае обоюдной смерти, их лавочка предназначалась тому самому Вáнеку, что торговал луками да стрелами рядом с ними. Если будет доказано, что купец не имел отношения к их смерти конечно, иначе не видать ему ни их лавочки, ни уже и своей. Если первый документ ошарашил Грона, то второй произвёл на беднягу такое впечатление, что он едва не лишился дара речи. Вторым документом их лавка вверялась в безвозмездное пользование любому человеку, кто поставит своё имя и подпись на данном документе. Ограничением было только одно условие – пользоваться можно лишь пока оба брата были живы и в добром здравии. Для чего время от времени им необходимо было являться в городскую ратушу, где один из чиновников будет

убеждаться, что с братьями всё в порядке.

— Честно говоря не знаю для чего вам так сильно замораживаться с этой лавкой. Продали бы лавку, да горя б не знали, но дело ваше, — вздохнул судья и взял печать в руку. — Если вы всё поняли, что здесь написано и вас всё устраивает, я ставлю печать и с удовольствием бы избавился от вашего присутствия в моём доме.

— Всё в порядке, господин, ставьте печать, — поклонившись, сказал Агрон и велел жестом сделать то же самое младшему.

Ничего не понимая, Грон последовал примеру брата. Судья тут же шмякнул печатью на оба документа, упаковал их в простенькую ткань и велел службе передать документы владельцам. После чего лишь махнул рукой на прощальные поклоны братьев.

Выйдя из здания судьи, братья быстрым шагом устремились на рыночную площадь. Грон был переполнен эмоциями и тут же принялся заваливать брата вопросами, но тот лишь велел замолчать и сказал, что всё объяснит на месте. До рынка они добрались быстро и без каких-либо приключений, хоть Агрон и постоянно оглядывался — не ходит ли кто за ними.

Не успели братья разложить лавку, как заметили того самого жиртреста-головореза со своей свитой. Однако, те лишь шатались по рынку, кошмаря купцов да народ простой одним своим видом. Вдруг, толстяк подошёл к како-

му-то мужчине, что-то прошептал на ухо, и тот устремился к лавочке братьев. К ним подошёл прилично одетый человек средних лет. На нём была белая рубаша и зелёный костюм, состоявший из штанов и безрукавки. Это говорило о том, что человек вёл торговые дела. На голове у него расположилась серая кепка-восемиклинка. А это уже говорило о том, что человек вёл тёмные торговые дела. Подойдя к лавке братьев, он широко улыбнулся и поприветствовал их:

– Грон и Агрон, полагаю? – с протянутой рукой, спросил он. – Приятно познакомиться, меня зовут Дым. Люблю подымить, знаете ли.

– Это вы главный? – пожав руку, спросил Агрон.

– Можно и так сказать, – с улыбкой ответили ему. – Я решаю вопросы... не силовыми методами, так сказать. А теперь, пожалуйста, будьте так любезны, на какой хрен вы меня сюда позвали?

– Мне нужен был главный! – нахмурился Агрон.

– Мальчик, да ты богам спасибо скажи, что тебя не прирезали ни вчера в храме, ни сегодня у дома судьи, потому что у меня лично есть интерес к этой лавке и мне очень интересно, на кой чёрт ты хотел поговорить с главным, в данном случае со мной, – наклонившись через лавку, злобно сказал ему бандит.

В том, что это был именно бандит, теперь никто из братьев не сомневался. Так значит, всё-таки за ними следили, и Агрон этого не заметил, хоть и ожидал. Опасные ребята,

решили про себя оба брата.

– Мы хотели предложить вам лавку, – пытаюсь не подавать виду, что напуган, ответил старший.

– И всё? Да на кой она мне? – рассмеялся Дым. – Если бы мне нужна была лавка, я бы вас прирезал и поставил сюда своего человека.

– Вы или другие уже поставили сюда своего, у чёрта на куличках, – скривил гримасу Агрон. – Стража вас не жалует, сколько денег надо дать на взятки, чтобы поставили в центр рыночной площади бандита? После нашей смерти лавка бы отошла городу, и они с удовольствием поставили бы своего человека, нежели вашего. А законные документы сэкономили бы вам кучу золота, времени и нервов.

– И вы решили мне её продать? После чего конечно же деньги останутся при вас, никто вам нож под ребро не засунет, чтобы их вернуть, так? – усмехнулся бандит.

– Нет, мы решили её вам... подарить. Точнее – обменять, – Агрон потряс перед собой документами.

– Обменять? – вкинул брови Дым. – И на что же? Мамкину сиську я вам вернуть не смогу.

– Возьмите нас в банду, – каким мог, серьёзным голосом сказал Агрон.

Дым стоял пару мгновений как вкопанный, после чего в голос рассмеялся. Агрон скрестил руки на груди, а младший брат снова стоял в изумлении от действий своего брата. С другой стороны, изумление быстро прошло и пришло осо-

знание всего. Его брат хотел вступить в банду, чтобы стать известным бандитом, набрать себе плюшек так сказать. Перед тем, как попасть в ад. Он и не знал теперь, гордиться целеустремлённостью его или же наоборот опасаться, что их ждёт в будущем.

– Ты, кожа да кости, не говоря уже об этом, – Дым кивнул в сторону Грона, – с чего ты решил, что нам нужны такие, как вы? С чего ты решил, что, передав нам бумагу, где ты отдаешь нам лавку, вас не прирежут, как свиней тем же вечером?

– А с чего ты взял, что лавку вам отдают просто так? – усмехнулся Агрон. – Вот гляди. Этот документ гласит, что пока мы оба живы, в добром здравии, регулярно навещаемся в городскую ратушу, то наша лавка переходит в безвозмездное пользование человеку, который поставит здесь свою подпись или печать, ежели она у него имеется.

Агрон выдержал паузу, пытаясь определить реакцию собеседника. Но, парень был слишком молод и неопытен, чтобы понять хоть что-нибудь по лицу своего собеседника.

– А вот этот документ, – он продемонстрировал ему второй с широкой улыбкой, – гласит о том, что после нашей смерти лавка достанется достопочтимому Вáнеку. Он вон там стоит, позвать его?

– Не надо! – тут же сквозь зубы злобно гаркнул Дым.

– Так вот, вы берёте нас в банду и имеете бесплатную лавку в самом центре рынка столицы, оплачивайте пошлину во-

время и никаких проблем не будет. Обучите нас своему ремеслу, и мы будем крайне полезны, уверяю вас. Большинство становятся бандитами из-за скверной жизни, а мы – мы сами хотим, правда Грон? – он посмотрел на своего брата и тот тут же закивал. – Убьёте нас – не получите ничего, какой в этом смысл?

Бандит стоял, почёсывая подбородок. Ему потребовалось несколько минут, чтобы обдумать слова Агрона. В конце концов он посмотрел ему в глаза и тяжело выдохнув, сказал:

– Ладно. Но ты, мальчик, даже не представляешь во что ты вляпываешься и куда тащишь за собой брата, – он посмотрел на Грона с неподдельной толикой жалости. – Но, документы составлены, и он теперь в этом участвует, дороги назад нет. Я не могу тебе ничего гарантировать, так как наша организация очень, очень большая. Сделка выгодна для меня лично, а вот как решат старшие – этого я знать не могу.

– Поэтому я и просил встретиться с главным! – обиженно рявкнул Агрон.

Мимо протопали те самые патрульные стражи, что днём ранее прогнали толстяка. Сегодня же старший посмотрел на братьев и жестом показал, мол, нет денег – нет помощи.

– Признаться, ты смыслённый, раз допёр придумать такой план. Но мозгов у тебя не хватает понять, как всё устроено, так что давай будь благодарен тому, что я вообще сюда припёрся. Сделайте одолжение – не сдохните в первый день, я хоть денег успею поднять. И придумать, что делать с

Вáнеком... – буркнул Дым в конце.

– Мы можем постоять за себя. У нас есть оружие, – шепнул Агрон и приподнял рукав, где красовался на кожаном ремешке купленный днём ранее стилет.

– Ой дура-а-ак, – лишь протянул бандит. – Не вздумай им светить нигде. Работайте весь день, как ни в чём ни бывало. Вечером я приду за вами, заодно перетру со своими.

Дым стукнул ногой по лавке и в спешке ушёл. Агрон стоял довольный собой, как ловко он провернул всё. Но не успел он насладиться моментом, как услышал голос своего брата:

– Так вот какой путь ты выбрал для нас, – обреченно сказал он. – Стать бандитами? Ты серьёзно? Ты действительно считаешь, что вымогать деньги у честного народа и избивать слабых придаст тебе почёта после смерти?

– О, братишка, это лишь начало! – кровожадно ухмыльнулся старший. – Я слышал, что этот толстяк вхож в довольно влиятельную организацию города, это не просто какая-то там банда проходимцев. И если я прав, если у нас всё получится, мы будем не просто бандосами, мы станем настоящими головорезами.

– Если ты так хочешь убивать людей, почему не пойти в стражу? Почему не убивать плохих людей, если, по-твоему, за убийство всё равно светит ад? На худой конец, почему не стать палачом при городе? Казнят довольно часто тут... – начал рассуждать Грон.

– Убивать плохих людей? – рассмеялся Агрон. – У нас не

такая большая разница с тобой, но похоже пары лет жизни тебе не хватает, чтобы понять, что в этом городе хороших людей нет. Их нигде нет. Все боятся только за свой кошелёк, свою жизнь и чхать хотели на других. Дай мне волю – я бы весь город перерезал. Зачем бороться с бандитами, когда их можно возглавить? Зачем служить народу, когда его можно прижать к ногтю? Я хочу, чтобы меня боялись при жизни и после смерти!

Последние слова Агрон едва ли не сорвался на крик. Этим он напугал своего младшего брата, но те прохожие, что услышали его слова, лишь рассмеялись. Оба брата выглядели невзрачными бойцами. А в этом суровом мире ценили силу. Грон достал из-под полы краюху хлеба. Разломав её надвое и протянув часть брату, он сказал ему:

– Мне кажется, ты сам не представляешь, во что ввязываешься. Ты напоминаешь мне наших соседских мальчуганов, когда они мечтали стать пиратами. Бороздить море, которое они никогда не видели, петь песни, пить ром, который они никогда не пробовали. А на самом деле жизнь пирата очень опасна, сурова, жестока и коротка, – с грустью сказал младший. – Ты мечтаешь стать головорезом, а на деле мы будем жить в нищете, отбирая последнее у таких же несчастных, спать в грязи в каком-нибудь хлеву, где нас никто не найдёт, да молиться богам, чтобы топор палача был заострён, как следует.

Перед ответом, Агрон решил подумать немного. На са-

мом деле, он и сам боялся каждой клеточкой своего естества того, что их ждёт в будущем. У него не было никаких грёз или романтики по поводу бандитской жизни. Он до жути их всегда боялся, если в деревне детей пугали бабками-ёжками, лешими, зверями всякими, то в городе – стращали бандитами. Тем, что действительно реально и видно своими глазами ежедневно. И в какой-то момент, он решил, что лучше стать страхом во плоти для других, решил твёрдо, поэтому не отступит. Вот только братишку надо было приободрить. Он положил ему руку на плечо, и сказал:

– Где бы мы ни были, я всегда буду о тебе заботиться, – по-братски улыбнулся он и подмигнул. – Куда мы бы не направили свои стопы – тяжело будет везде. Такова жизнь. Где бы мы не оказались – в армии, в страже, в гвардии, в торговле, среди наёмников, даже среди храмовников – везде будет одно и то же. Унижение старшими младших, сильными слабыми, богатыми бедных и так далее. Я просто считаю, что из всех путей этот – самый лучший. Раз уж мир устроен так, что унижай или будешь унижен, убивай или будешь убит – я буду убивать и унижать.

– Что ж, брат, я с тобой, – с грустной улыбкой ответил Грон. – Но чувствует моё сердце, что жить мы будем недолго.

– А вот это мы ещё посмотрим! – усмехнулся Агрон.

Глава 2

– Ну чё, прохиндеи, готовы? – спросил Дым. – Э, кажись утром здесь было товара побольше!

– А мы распродажу устроили, – хитро усмехнулся Агрон.

– Вот козлы! И много выручили? – поинтересовался бандит.

– Ну, первое время с голоду не умрём, – довольно похлопал по висящему на поясе кожаному мешочку старший.

– Не светите баблом особо, привлекает народ определённой категории, знаете ли, – пробурчал Дым. – Ладно, одевайтесь и попёрли.

Братья не заставили себя долго ждать. Они быстро надели походные плащи, и собственно, были готовы. Тут к ним подошёл довольно неприятно выглядящий тип и уставился на них, словно баран на новые ворота.

– Лавка закрыта, – бросил ему Грон.

– А, это Подкопчёный, он лавкой и будет заведовать. Тащите сюда бумаги, – нахмурившись, очень серьёзно сказал Дым.

– Да вот они, ставь свою кляксу здесь, мы свои уже поставили, – передав документ, сказал Агрон.

К удивлению братьев, Дым достал самую настоящую печать и воск. Воспользовавшись ближайшим светильником,

что освещал торговую площадь, он быстро растопил воск и шлепнул печатью по документу. Свидетелем данного события стал и владелец соседней лавки Вáнек, и тут же выкрикнул:

– Соседи, вы шо, лавку продали?! – обеспокоено выкрикнул толстячок.

– Лучше! – расхохотались братья. – Мы её им бесплатно отдали!

Услышав это, Вáнек не на шутку разошёлся, крича вдогонку самые витиеватые ругательства и проклятья. Братья лишь продолжали смеяться и представляли, какая рожа будет у жадного толстяка, когда он поймёт, кому именно отдали они лавку. Подкопчёный остался у лавки, видать разбираться, что там имеется. Остальная троица двинулась к выходу. Выйдя за рыночную площадь, к ним присоединились несколько грозного вида мужланов, явно из банды. Дым тут же велел мальчикам держаться рядом, так как в тёмное время суток даже в их присутствии может стать что угодно.

Обычно парни шли домой, выйдя из западных ворот рыночной площади. Сейчас же они вышли через восточные ворота, и буквально через несколько минут они поняли, что никогда и не были в этой части города. Они быстро проходили квартал за кварталом, и тут же поняли, что брось их Дым сейчас здесь – они даже дороги назад не найдут. Каменные дома быстро сменились на деревянные. Ещё через некоторое время – на покосившиеся, неухоженные, разваливающиеся

деревянные дома. После начали встречаться и вовсе шатры, лачуги, халабуды, сделанные из подручных средств. Здесь к компании присоединились ещё несколько членов банды.

– Добро пожаловать в трущобы, господа, – видя удивлённые взгляды мальцов, с оскалом сказал им Дым.

Здесь практически не было света, и не то, что уличного освещения хотя бы факелами – даже у людей в окнах, у кого они, конечно, были, и там была одна темень. Сейчас стемнело, но в городе в такое время спать не ложатся, хоть и работают все со сранья. Прохожих практически не было, в основном, лишь тени мелькали между тем, что здесь можно было принять за дома. Дым же и его соратники или кто они ему там шли уверенно и довольно вальяжно. Более того, парни заметили, когда их компания приближается к людям, те спешно прячутся в свои дома. К слову, всех кого удалось рассмотреть братьям, были одеты в лучшем случае в рваное тряпье.

А вот через время стало интереснее. Снова появились деревянные дома. Да, большинство из них гораздо хуже, чем в более приличных районах города, но в основном они удивляли братьев своими размерами. Все они были очень большие и просторные. Это было явно не частное жильё, скорее напоминало бараки на большое количество народу. Появился и свет в окнах. До братьев доносились пьяные возгласы, женские визги, мужланская брань, крики и прочие звуки, что обычно соответствуют питейным заведениям. Правда, прак-

тически ни на одном строении парни не видели опознавательной вывески или чего-то ещё подобного на входе.

Пройдя ещё немного дальше, обстановка слегка сменилась. У большинства зданий действительно появились некие опознавательные знаки. Парни увидели различные лавки – как продуктовые, так и с различной утварью. Стали встречаться таверны. Вот возле них и народ встречался. В основном, кто ссал, кто блевал, часто кто-то кому-то бил морду. Пару раз даже видели куртизанок за работой прямо у стены в переулке.

– Это мы вышли в приличную часть трущоб, – подмигнул братьям их провожатый.

Трущобы показались братьям огромными. Возможно, из-за того, что здесь не было чётких улиц и дорога петляла так, как ей вздумается. В любом случае, путь занял очень много времени, за которое парням казалось, они могли бы весь центр города пройти вдоль и поперёк. Наконец они подошли к большому деревянному зданию, основа которого была даже из камня. На вывеске красовался текст “Пироги да пиво”. Перед входом стояли два здоровых амбала с топорами на поясах и смотрели на братьев так, словно готовы сожрать их живьём.

– Ну, пацанва, заходите, – Дым сделал приглашающий жест и оскалился так, что у обоих братьев сердце в пятки ушло.

Грон и Агрон зашли внутрь. Они увидели довольно про-

сторную таверну с большой барной стойкой. За ней стоял высокий лысый с усами мужчина, весело болтавший с посетителями. Столов было довольно много, почти за всеми сидели шумные компании с кружками пива и едой. Все до одного они были вооружены, одеты в бандитские кожаные туники, а морды одна краше другой. У кого синяк, у кого глаз один, у кого шрамов больше, чем зубов, у кого и вовсе нет последних, и все они уставились на только что вошедших. Под их взглядами братьев пробрало до самых костей. Но стоило войти Дыму и положить свои руки на плечи мальчикам, как все тут же отвернулось и потеряло всякий интерес к Грону и Агрону.

– Нам во-он за тот стол, – пригласительным жестом указал Дым.

С сердцем в пятках, братья сели за небольшой столик.

– Хоспади, вы там хоть не обоссались? – заглядывая под стол, со смехом спросил Дым. – Хотели в бандиты? Получайте! Как вам тут у нас, миленько?

– Они же нас не тронут? – тихо, дрожащим голосом спросил Грон.

– Эти-то? – улыбнулся Дым. – Пока я рядом нет. А так любой из них сунет вам нож под ребро лишь ради потехи, да не почешется потом. Пока не завоеуете уважение и правильную репутацию.

– И как это сделать? – спросил Агрон.

– Вас закрепили за одним из главарей. Если он сочтёт вас

полезными – выдадут форму и тогда вас никто не тронет. Но если вы не докажете ему своей надобности, или покажетесь ему изначально бесполезными, то скорее всего в тот же миг окажетесь в канаве. Да, и кстати, если вы думаете, что нужда в вашей лавочке как-то вас спасёт – вы очень ошибаетесь, – мерзко ухмыльнулся Дым. – Мы немножко потолковали с судьёй Лютеро, и изменили оригинальный документ. В архиве теперь лежит бумажка, которая действительно с вашего разрешения позволяет нам пользоваться вашей лавкой безвозмездно, но там ни слова нет о вашем здоровье. Да и второй документ, который вы составляли с наследством на Вáнека куда подевался.

Сказанное бандитом повергло в шок и Грона, и Агрона. Козырь, благодаря которому их должны были не убить, был не только потерян, он ещё и сыграл на руку бандитам. Теперь у них есть и лавка, и жизнь братьев им не сдалась. Но... Почему тогда их привели сюда? Давно могли бы прирезать.

– Понимаю, о чём вы сейчас думаете. Но я придерживаюсь одного правила в своей жизни – уговор дороже денег. Я обещал вас привести в банду, и я привёл. А вот дальше уже не моя забота, – Дым, как бы извиняясь, развёл руками. – Э! Позовите-ка мне Гуся сюда!

Пока званный Гусь был в пути, парни сидели поникшие, бледные, словно сама смерть коснулась их. Что же теперь будет? Агрон вспоминал слова брата, что жизнь их будет коротка, но он и не представлял, что настолько. Одно дело, ес-

ли бы они с рождения выживали на улице и обладали сейчас полезными навыками. Но они же ничего не умеют! Грон явно не замолит бандитов до смерти. Агрон пытался судорожно придумать хоть что-то, чем они могут быть полезны, ведь тот же Дым его похвалил за смекалку, но все надежды и мысли канули в лету, когда они увидели того самого Гуся. Им оказался тот самый жиртрест, что собирал бандитскую долю на рынке.

– Чё надо, Дым? Ух ты ёпт, ты дывы кто сидит! – завидев братьев, толстяк чуть не подпрыгнул от радости. – Да это ж вы! ВЫ! Ха-ха, Дым, ты чаво, подарок мне решил устроить?

– Ну это уж сам решай, – усмехнулся Дым. – Это твои новобранцы.

– Ново-кто? Новобранцы? Да ну на #\$@! – выругался от счастья жиробас. – Ты шо серьёзно? Они ж тока вчера на меня арбалет наставляли! Сла-а-авно я повеселюсь!

– Так, ты это, законы знаешь, не борщи тут! – прикрикнул Дым.

– А чаво законы? – вскинул брови тот. – Щас я присяду да всё расскажу им. Значится так, мелюзга. Помнишь наш разговор про люля? Так вот – подчиняетесь мне – люля нема. Не подчиняетесь – люля есть. Работу делаете хорошо – люля нема. Работу делаете плохо – люля есть. Работу делаете очень плохо – люля есть большие. Работу не делаете вообще – ; №»%! какие огромные люля! Не выполняете работу трижды подряд – драл вашу мать, буду драть и вас, надоест – дорога

в канаву! А пока добро пожаловать на борт, как говаривал один знакомый мне обсос.

– Так, это надо отметить! – воскликнул Дым. – Люся! Тащи пивас нам и двум нашим новобранцам!

Люсей был тот самый лысый бармен. Но братья даже не обратили внимание на оскорбительное имя человека за стойкой. Грон вжался в стул так, что казалось вот-вот сам станет его частью. Агрон же смотрел пустыми глазами на человека, который последние два года насиловал их мать, и теперь грозил тем же самым уже ему с братом. Он думал о том, во что втянул не только себя, но самое главное – своего брата. Действительно же можно было продать лавку, дом, уехать в какую-нибудь спокойную деревеньку или небольшой городок, прикупить себе ферму и не знать проблем. Но вместо этого, парень набрался сил и задал вопрос, который его очень интересовал и, быть может, ответ на него скрасил бы хоть сколько-то их положение:

– Какого рода у нас будет работа? – практически замогильным голосом спросил Агрон. – Выбивать деньги на рынке?

– Ха! Хрен тебе и твоей роже! – рассмеялся Гусь. – До рынка дорости надо! Тута, у нас в трущобах, тоже работы пруд да озеро! С куртизанок долю брать, с лавки каждой долю брать, за порядком следить, морды кому надо бить. Ваши вот так и просят люля, гы-гы. О, а вот и пиво!

Бармен Люся бережно поставил на стол четыре кружки,

после чего поспешил удалиться, но встав за стойку, как-то пристально смотрел на обслуженный им стол. На самом деле все следили, но братья этого не заметили.

– Ну шо, за наших ново-этих, как их там, бранцев, во! – сказал Гусь и вся таверна подняла кружки и с возгласом выпила.

Братья никогда ещё не пробовали ни пива, ни эля, ничего подобного. Поэтому несмотря на всю плачевность ситуации, впервые попробовать самый популярный напиток в империи, если не в мире, для них было довольно важным событием. Грон сделал маленький глоток и скривился, Агрон же решил отхлебнуть побольше, но тут же выплюнул содержимое назад.

– Да это же... на вкус как моча! – выкрикнул с ужасом и злобой.

Все сидевшие в таверне расхохотались едва ли не до слёз. Кто-то говорил, мол, который раз уже такое происходит, а всё равно смешно. Вся таверна ржала, как лошади, только вот мальчикам нашим было далеко не до смеха. Сидевшие с налитыми кровью от злости лицами, они не успели ничего предпринять или сказать по этому поводу, как громче всех ржавший Гусь одним махом выбил у них из рук кружки, и сквозь слёзы сказал:

– Поздравляю! Теперь вы в банде! Это мы так новеньких посвящаем. Видели бы вы свои рожи! Никогда не надоест! Люся, тащи им настоящий эль! – велел он бармену. – Да и

закусить чего дай!

В этот раз усач не заставил себя ждать и тут же подал на стол ещё четыре кружки, в этот раз действительно все были с элем. Да пирог с мясом. Чьим – братья интересоваться не стали. На удивление было даже вкусно. Пирог свежий, эль – холодный.

– А почему, – с набитым ртом начал спрашивать Грон, – бармена зовут Люся?

Вероятно, таким незамысловатым вопросом он хотел разрядить обстановку, ведь Агрон всё ещё сидел красный от злости, явно желающий отомстить своему обидчику, да не знал как.

– Та по башке его как-то жажнули, да так сильно, что месяц по ночам ходил, искал какую-то Люсю, – брюзжа слюной и вываливающимися непрожёванными кусками пирога, ответил им Гусь. – Подходил к каждому и Люся! Люся! Люся! Вот так и стали звать. Потом он опять по башке получил, вроде всё и прошло, а звать его так и не перестали.

Похоже, что вопрос Грона действительно помог разрядить ситуацию. Гусь и Дым сосредоточились не на издёвках над братьями, а стали рассказывать больше о таверне и банде. Это была не просто банда, а самая влиятельная преступная организация во всей империи. Она была настолько большая, что многие мелкие бандитские банды даже не знали, что на самом деле в ней состоят. А сейчас был едва ли не её расцвет – поговаривают, что лидеры смогли договориться с импера-

тором и тот в обмен на определённые услуги закрывает глаза на преступления организации. Но парням больше всего было интересно, как, каким образом такая могущественная преступная организация может называться “ПИРОЖОК”.

– Пацаны Истинно Рубящие Очень Жестокие Очень Кровавые, – с гордостью сказал Дым. – Так называлась таверна, где зародилась первая банда. Точнее, она-то просто называлась пирожок, но ребята решили использовать это название как аббревиатуру. Да-да, Гусь, есть такое слово, это сокращение других слов по их первым буквам. А ладно, забей, с кем я разговариваю. Так вот, очень жаль, но таверну лет сто назад спалили дотла, однако название менять никто не собирался. Это великая честь быть членом такой древней и сильной организации. Вам, на самом деле, несказанно повезло. Хотя вы и на самом дне, в самой конченной группе мордобоев, многие годами верно служат в других бандах, чтобы им хоть какое-то местечко досталось в столице империи.

– Да ты посмотри на них! – тут же сказал Гусь. – Да они через месяц издохнут, да и все дела. У них же морда гля какая целая! Так и просит люля! Но это быстро исправится, гы-гы. Ладно, хорош пузы чесать, завтра много работы. Мне весь день бабло собирать, потом ещё этим олухам показывать их работу. Попёрли, мелюзга!

Одним глотком осушив кружку, Гусь бахнул ей об стол так, что аж пол задрожал. Братья же эль допивать не стали, у них и так в голове от него помутнело. Выйдя из таверны,

Гусь велел мальчикам не отставать. Они прошли пару домов вглубь трущоб, где снова не было никакого освещения и шатались пьяницы, но все они были в форме банды. Гусь зашёл в большой деревянный дом, где просто адски смердело. Здесь была ночлежка мордобоев, как их назвал Дым. Никакой мебели здесь не было – на деревянном полу хаотично были разбросаны матрацы и прочие спальные места, созданные с помощью лохмотьев.

– Ваше место, мелюзга, отама в углу, если не хотите, чтобы кто-то с пьяну вас ногами с места гнал, – указал Гусь на дальний левый угол.

Подойдя к своему месту, от вони братья даже носы закрыли рукавом.

– Да здесь же всё обоссано! – возмутился Грон.

– И заблёвано. И кровь засохшая, – пытаюсь побороть тошноту, сказал Агрон.

– Щас добавится и ваша, если будете выёживаться! – гаркнул Гусь.

В здании была лестница, ведущая на второй уровень, который занимал чуть больше половины этажа. Гусь поднялся по лестнице, пошуршал несколько минут, кого-то пнул, на кого-то накричал, и спустился вниз с парой свёртков в руках. Братья всё это время стояли и смотрели на своё спальное место, не понимая, что же им делать. После домашних настоящих кроватей спать в “этом” они крайне не желали.

– Ваши дубины и форма, – сказал жирдяй, бросив всё пря-

мо в лохмотья. – На этого крысёныша явно великовата будет, но мельче нету. А да, будете храпеть или пердеть, ногу в задницу засуну!

После последней фразы братья растерянно оглянулись – практически все, кто сейчас спал в бараке, издавали самые разные звуки. Кое-кто даже, кажется, разговаривал в пьяном бреду. Гусь, оскалившись, пожелал мальчикам спокой ночи, и поднялся по лестнице наверх. Под ней братья увидели дыру с вертикальной лестницей. Похоже, там находился подвал. Однако, проверить и удостовериться в этом ребята боялись. Как и послушаться, да лечь спать в другом месте.

– Может на улице поспим? – тихонько спросил Грон.

– Холодно, замёрзнем, – с грустью ответил Агрон. – Давай постелем наши плащи сверху, наденем выданные туники и просто ляжем сверху.

Парни так и поступили. Для Грона туника и правда была великовата. Вдвоём они кое-как подпоясали её несколькими верёвками, но вид у Грона в ней был неважным. Да и сама форма была невзрачной – простая коричневая кожа паршивого качества, разве что отличительным знаком была нашивка с пирожком. Ребята даже предположить боялись, сколько же владельцев сменили эти туники.

– Жалко плащи, – вдруг сказал Грон.

– А что ты предлагаешь, стоя спать? – рявкнул старший.

– Эй вы, засранцы! Если не заткнётесь, я вам языки поотрываю! – шёпотом прикрикнул на них кто-то.

– Под лестницей нас явно никто трогать не будет, главное не свалиться в подвал, – шёпотом предложил Грон.

Агрон молча кивнул. Они тихонько юркнули под лестницу, ведущую на второй уровень, но им пришлось лечь едва ли не друг на друга, чтобы поместиться там. Тем не менее, это было всяко лучше, чем спать в углу, куда явно спяну половина барака ходит справлять нужду, да ещё и умер кто-то. Братья попытались поскорее заснуть, но это было не так легко, как им казалось. Агрон явно не так представлял первую их ночь в банде, Грон и вовсе просто пребывал в некоем шоке. Ещё днём они были владельцами лавки на рыночной площади, у них был хороший каменный дом с хоть и простенькой, но мебелью. А уже ночью у них не было ничего. Совсем ничего, кроме вот дубины, что им выдали. И они сами об этом попросили. Сами к этому стремились. Грон не знал, что ему делать. Он любил своего старшего брата, и не мог ненавидеть единственного человека, которого знал в этом мире. Осуждать его за такое решение он тоже не хотел, ведь он и сам не знал, как им можно и нужно было поступить, оставшись в мире совсем одними. Даже со своей верой в Элладана, он не слишком желал идти работать служкой при храме.

– Надеюсь, оно того стоит, – тихонько прошептал Грон.

Агрон, услышав его слова, понял, что имеет ввиду младший брат, но не нашёлся, что ему ответить. Он и сам не знал, стоит ли оно того. Он лишь боялся, что в ад они отправятся гораздо раньше, чем им того хотелось.

* * * * *

– Подъём, дармоеды! – услышали громоподобный рёв братья.

Похоже, так утром Гусь будил свою банду. Мальцы тут же подорвались и встали, как вкопанные рядом с тем местом в углу, где им полагалось спать. Они увидели толстяка, спускавшегося в развалку по лестнице. Завидев их, Гусь лишь скривил гримасу презрения и бросил, мол, вечером ими займётся, а пока пусть не высовываются. Другие же бандиты такой прытью не отличались. Большинство лишь перевернулись с одного бока на другой. Только несколько из них действительно встали и пошли вслед за главарём.

– Что делать будем? – спросил Грон.

– Умыться бы, – пожал плечами старший.

Братья вышли из барака и глазами искали, где тут бочка с водой для умывания. Но, оказалось, что местные бандиты не шибко следили за собой, и такой бочки у них попросту не было. Парни не придумали ничего лучше, чем пойти в таверну, да спросить там. Уж кто-кто, а бармен должен знать всё. Днём трущобы выглядели не лучше, чем ночью. Только яснее стало видно всю ту грязь, которая здесь была. По дороге к таверне парни таки увидели место, где местная братва умывалась. Бараков оказалось несколько, и между ними стояли бочки с водой. Некоторые из них были довольно большие, чтобы в них можно было занырнуть, что и делали

бандиты. Раздеваться парни не рискнули, и воспользовались небольшими бочками для умывания. После направились в “Пироги да пиво”.

К удивлению парней, внутри никого не было, кроме бармена Люси. Однако, оба брата поймали себя на мысли, что так называть они его побаиваются.

– О, мочеглофы пришли, – рассмеялся бармен.

– Они же всех так посвящают, – нахмурился Агрон.

– Да ни один идиот не перепутает пенный эль с тёплой мочой на вид! – снова рассмеялся бармен. – Ладно, чё хотели, оборванцы?

– Узнать, насколько честная у тебя здесь таверна, сколько стоит обед и ужин, – вдруг сказал старший.

– Честная? Это ты к чему? – удивился Люся. – На обед да ужин чё приготовлю, то жрать и будете. Бокал эля входит. Но обычно на обед каша, если повезёт, то со свиньёй, если нет – то с курой. На ужин суп, в основном мясной, но бывает и жаркое. Чё стоит? Да пятак обед, десяток ужин.

– Честная, это я к тому, если я сейчас заплачу тебе за три недели по два ужина и обеда, будешь ли ты три недели нас кормить? – к удивлению младшего брата и бармена, спросил Арон.

– А чё нет-то? Гони монету, жри да не обляпайся! Раньше помрёшь – монету не верну! – рассмеялся Люся.

Грон вопросительно посмотрел на брата после того, как тот передал все их деньги бармену.

– Так хоть голодными не останемся, если нас ограбят. А теперь, когда мы без денег, то и воровать нечего, – пояснил тот.

– Раз уж вы внесли такую монету, вот вам по кружке от заведения и фруктов немного на завтрак, – расплывшись в улыбке, сказал им Люся.

– А не расскажите нам, господин, что знать полезно новичкам в банде? – спросил Грон, после чего впился зубами в зелёное яблоко.

– Ну, например, что здесь никто никого господином не называет, – улыбнулся бармен. – В вашем случае важно научиться постоять за себя. Не хотите получить по морде – ни с кем не разговаривайте. Если увидите людей по нашей форме, но не такой, как у вас – лучше сразу тикайте. Мордобои – самая низшая каста в организации, так что лучше избегайте контакта с теми, кто выше вас. Они здесь не трутся обычно, но всё бывает. А, вон в ту дверь не ходите. И не спрашивайте что там, не ваше собачье дело.

Бармен указал на довольно крепкую, обитую железом дверь в дальнем крайнем углу таверны. Куда она могла вести братьям было не понятно, так как прикидывая размеры таверны внешне, за той дверью уже должен был быть выход на улицу с другой стороны.

– А что насчёт Гуся? Почему он главный? – вдруг спросил Грон.

– Потому что это самый безбашенный и здоровый урод в

округе, – нахмурившись, ответил Люся. – А самое главное, он работает с удовольствием. Все ему платят деньги, потому что он на самом деле всегда только и ждёт обратного, дабы был повод навалить по морде по самое не балуй. Лучшее, что вы можете сделать – это бояться его до усрачки, выполнять всё, что он говорит и никогда не перечить. А, ещё совет – когда напортачите, а вы напортачите – лучше не оправдывайтесь, он этого терпеть не может.

– И всех устраивает, что он здесь главный? – запивая вопрос элем, спросил Грон.

– Тут тебе что, цирк какой-то? – нахмурившись, бармен приблизился лысой головой прямо к лицу Грона. – Главных ставят сверху, никого не колышет там устраивает тут что-то кого-то или нет. Гусь идеально делает свою работу, чем нравится боссам, на этом всё.

– А сколько всего боссов? – не унимался младший.

– Достаточно, как и достаточно твоих дурацких вопросов, – отвернулся Люся. – Нет бы чего нормального спросить: где бабы лучше, где самогон хороший, где в морду лучше дать и не нарваться. Спрашиваешь дребедень какую-то. Боссов ему сколько. Да хрен его знает!

Пристыженный Грон замолчал. Брат положил ему руку на плечо, мол, не переживай, а сам спросил:

– Как думаешь, какую работу нам Гусь даст? – с неподдельным интересом поинтересовался он.

– Да чё тут думать? – удивился Люся. – Выделит участок,

будете бабки трясти с шлюх да лавочников. У нас тут хоть и трущобы, но торговля как телом, так и всем прочим налажена нормально. И налоги, ха-ха, платить не надо этим скотам при дворе, чтоб они сдохли все, и дети их срали камышами.

– Ого, что за нелюбовь такая к власти? – удивился Агрон.

– Да за шо их любить-то, а? – брови Люси взмылись кверху. – Толку от них никакого, только бабло гребут да войны устраивают себе на потеху. Всё мало им, больше надо, больше!

Далее бармен совсем распустился и во всех красках поганил императора, его свиту, да и всю империю в целом. Он считал, что люди империи нужны только для того, чтобы собирать налоги, а новые территории – это ещё люди, которые могут платить ещё налоги. Про то, что империя на самом деле оберегает, защищает свой народ, поддерживает законы и дисциплину, про это он не упоминал. Хотя, парни и признали для себя, что само существование такой организации на территории империи как “пирожок” говорит о том, что император не справляется. Ещё и человеческая церковь пытается укрепить своё влияние. Этим Агрон не доверял ещё больше, чем старым богам.

Так ребята и просидели до раннего вечера, пока не начали возвращаться в таверну другие члены банды, отработавшие весь день. Правда, работа эта была ничем не похожа на охотников, рыбаков или других крестьян. Народ возвращался со свежими фингалами, с проредившимися зубами и прочими

ранами. Но со смехом и азартом рассказывали друг другу, как у них прошёл день. Наконец, в какой-то момент в таверну вошёл и Гусь с парнями.

– Что, выпердыши, сидите тут? – спросил он братьев. – Щас я элю наверну, да пойдём с вами работу вашу работать. А то сидите здесь, дармоедствуете, жрёте на халяву.

– Вообще-то мы оплатили еду не несколько недель вперёд, – с гордостью сказал Агрон.

Этим он также хотел дать понять, что грабить их при случае ни к чему, так как денег у них нет.

– Оплатили? – удивлённо спросил толстяк. – Слыхали, ребята, они за еду заплатили на несколько недель вперёд. Видал дураков, но таких – никогда!

Вся таверна взорвалась смехом. Братья сидели в недоумении, а другие все надрывали свои бандитские животики, как могли.

– Это вам что, общая забегаловка? Вы хоть одного посетителя видели? Эта таверна для нашей банды, здесь всех кормят и поят бесплатно, бараны, – сквозь слёзы пояснил Гусь.

Переглянувшись, братья едва ли не со слезами посмотрели в глаза бармену, только в отличие от других в таверне, их слёзы были не от смеха.

– А шо вы на меня пялитесь? Мамаша моя всегда говорила – дают, бери! Всяко лучше мне достанутся ваши денежки, чем на улице кто отберёт, хе-хе-хе, – мерзко улыбнулся Люся.

Не успели братья ничего в ответ сказать, как рядом с ними опустилась кружка Гуся, и тот с силой хлопнул их руками по плечам.

– Пошли, обсёрыши, работу вашу показывать буду, потом поплачете друг дружке в ягодицы, – сквозь смех сказал им главный мордобой.

Парни и Гусь с парой головорезов вышли из таверны. С одной стороны братья были в отчаянии, что их так надули, с другой в них кипела ненависть. Если раньше они ненавидели только Гуся за то, что тот проделывал с их матерью, то сейчас они хотели спалить все эти чёртовы трущобы. Агрон действительно обдумывал это, прикидывал, сколько людей в пожаре может погибнуть и как это зачтётся им в аду.

Они шли по уже знакомым трущобам. Здесь было всё так же омерзительно, с отвратительным запахом и не менее уродскими пейзажами. Несмотря на ранний вечер, большинство местных обитателей были верны себе – кто лежал в пьяном беспмятстве, другие же прятались, стараясь не показывать свою морду белому свету. Хотя, даже днём здесь было всё в сером цвете, вечером и подавно. Спустя некоторое время бригада дошла до района местных таверн.

– Тута, значит, у нас трахательный квартал, – начал было Гусь. – Главная мамка сидит в отой таверне. Заходим, здороваемся, забираем бабло.

И толстяк демонстративно зашёл вовнутрь довольно крупного двухэтажного здания. Парни поспешили за ним.

Внутри оказалось довольно много столов, за которым сидел безобразный народ, местное отребье и прочие отвратительные личности. Почти что за каждым из столов сидело от одной до нескольких девиц, продающих за гроши свои тела. Первое, о чём подумали парни, так это то, что эти девицы выглядели не менее омерзительно, чем те, кто им платил. При этом, завидевшие их дамы усердно им улыбались, делая заманивающие жесты. Не удивительно, они знали всех местных, и парочка новых лиц тут же привлекли к себе внимание. И плевать было на возраст этих лиц. Толстяк прошёл мимо стойки и постучал в закрытую дверь, после чего открыл её, не дожидаясь ответа.

– Здравова, мать! – радостно поприветствовал он кого-то.

Юркнув в проём за толстяком, братья увидели довольно богато украшенную комнату. Хоть обставлена она была и без всякого вкуса, но само наличие в такой дыре роскошных вещей они увидеть не надеялись. В углу комнаты был довольно большой угловой диван, за которым полулёжа находилась хозяйка сего борделя. Старая, уродливая, но в пышном вызывающем платье, она тут же в ответ поприветствовала жиртреста:

– Мой дорогой, мой сладкий пирожочек, неужто ты лично удостоил меня своим визитом! – радостно воскликнула она. – Соскучился за мамочкой?

Учитывая разницу в возрасте, парни начали гадать, действительно ли она являлась ему матерью, или же её все так

называли.

– Да делов полно вас часто навещать, – посетовал Гусь. – Вот привёл тебе двух этих жопонюхов, за долей будут терь они к тебе приходить.

– Какие красавчики! Какие молодые! – восхищённо воскликнула она. – Щуплые к тому же, зачем они тебе? Отдай их лучше мне, есть у меня знатные дамы преклонного возраста, что хорошенько будут платить за ночь с такими смазливými мальчиками.

– Ха, мать, а это идея! – воскликнул толстяк и рассмеялся.

Братья же ужаснулись от того, что их может ждать гораздо худшая судьба, чем ходить и забирать долю для Гуся и организации. Посмотрев на мальцов, заметив их ужас в глазах, толстяк сплюнул прямо на пол и сказал:

– Да бракованные они, даже тебе не подойдут. Ты к ним сильно не привыкай, я думаю недельку-другую продержатся, да больше и не увидишь ты их, – злостно ухмыльнувшись, подмигнул он ей.

– Как скажешь, дорогой. В наших местах не каждый может выжить. О чём говорит и этот скудный мешочек, – она небрежно бросила на прикроватный столик кошель с монетами. – Дохнут здесь мужики, как мухи. Моим девочкам скоро некому платить будет.

– Ай, карга ты старая! – вдруг засмеялся Гусь. – Да у тебя дом ходуном ходит, я отсюда слышу, как жахаются наверху! Ладно, не мне судить, но ты на рожон-то не лезь, если боссы

посчитают, что ты мало платишь...

– То пусть зайдут ко мне, ты же знаешь, – перебила его женщина.

– Пфф, как знаешь! Но если так станется, что они пошлют меня все кости тебе переломать, так и знай, живого места не оставлю! – пригрозил Гусь и забрал кошель.

Уходя, парни не знали, как им подобает прощаться и замешкались, зато местная мамка нет – она лёгким движением руки практически полностью оголила свою грудь и сделала приглашающий жест. После этого братьев тут же как ветром сдуло, даже не закрыли за собой дверь. Выйдя из борделя, Гусь тут же заговорил:

– На этом здесь ваша работа не кончается. Эта ведьма позволяет некоторым работать вне борделя, не знаю уж на кой чёрт, но с таких приходится собирать бабки отдельно. Быра за мной и запоминать! – приказал толстяк.

Запоминать действительно пришлось. Они побывали в довольно многих тёмных переулках и подворотнях. Забирая деньги, пару раз парни даже застали женщин так сказать, в процессе заработка тех самых денег. Агрон ужаснулся, на что идут люди ради нескольких медяков. Грон же думал о том, что никогда не видел ничего столь омерзительного, и какая же прежде у них была прекрасная жизнь. На что же шла их мать, чтобы отгородить их от такой жизни, а они по собственному желанию взяли её и просрали в один миг.

– Тут закончили, теперь пхнём к лавочникам, – бросил

Гусь.

Бригада прошла немного дальше и наткнулась на несколько более-менее сносных домов. Некоторые были даже двухэтажными, хоть и гораздо меньше, чем тот же бордель или их барак. А главное, у этих домов были владельцы, что для этого района было непостижимое достижение. На многих таких домах висели грязные, сколоченные из чего угодно вывески. Продавалась всякая всячина, но была и одежда, хоть и действительно, что говорится, для бедных. Было и оружие. Ничего такого, что можно было найти на рыночной площади, в основном дубины да прочие деревяшки. В каждой такой лавке трясущимися от страха руками отдавались кошель с монетами. Видно было, что Гуся боялись до просто животного ужаса. Оба брата не хотели даже думать о том, чем вызван такой страх.

– Ну, всё, обалдуи. Валим домой, считаем барыш, он должен быть каждый день туда-сюда одинаковый, ежели кто дал меньше – на следующий день выписать люля, бабки отобрать все, что найдёте. Понятно, мелюзга?! – рявкнул Гусь.

Братья тут же кивнули. В барак они вернулись без происшествий, да и откуда им было взяться, когда они в сопровождении самого известного и страшного мордоворота? Он лично пересчитал каждый кошель с деньгами, и несмотря на то, что они не были подписаны, он прекрасно знал от кого он получил каждый. Этой его способности братья удивились, так как они были без понятия, как он их различал. Но спро-

сительности не было ни у одного из них, однако оба про себя отметили, что необходимо как-то либо помечать кошель, либо делить между собой. Агрон и вовсе задумался о том, что хоть кошель были в основном из обрывков ткани, а не кожи, она всё равно же денег стоит. Бедные люди и так отдают свои крохи, а тут ещё каждый день необходимо где-то брать ту самую ткань.

– Всё, опарыши, достали вы меня на сегодня. С глаз свалите, чтоб я до завтрашнего вечера даже запаха вашего не чувствовал! – прогнал со второго этажа барака их толстяк.

Забившись в свой угол на нижнем этаже, братья решили обсудить их работу.

– Как думаешь, справимся? – спросил Грон.

– А куда нам деваться? – пожал плечами старший. – Теперь у нас нет ничего – ни дома, ни денег, ни еды, ни одежды. Мы полностью зависимы от них.

– Этого ты хотел? – буркнул младший.

– Ага, и чтоб ты не забывал попрекать меня каждый день, – огрызнулся Агрон.

– Главное, что мы вместе, – прошептал Грон и лёг спать.

* * * *

Прошла неделя. В таких условиях, можно даже сказать прошла целая неделя. Целая неделя без каких-либо происшествий. Братья честно выполняли свою бесчестную работу. Им платили все – и лавочники, и в борделе, и шлюхи с улицы. При этом у них имелось просто куча свободного времени.

Вот только заняться в трущобах было нечем. Они поигрывали в кости, да только постоянно проигрывали. Так как у них ничего не было, их заставляли делать различные мелкие поручения, как-то помыть полы, вынести помои, или же просто банально станцевать. Но им страстно хотелось научиться, и спустя несколько дней начало даже получаться. Они играли и в другие игры, как-то метание ножей или угадай под какой кружкой монетка. В общем, развлекались, как могли.

Но всё хорошее когда-то заканчивается. Если это всё вообще можно назвать хорошим. Забрав деньги из борделя, как обычно, они приступили к обходу жриц любви-одиночек. Обычно им никто не мешал, но в этот вечер они забрели в переулочек, где вместо куртизанки наткнулись на пятёрку местных пьянчуг. Кто лежал, кто еле стоял, но тем не менее, когда они проходили мимо, они слышали:

– Хосспади, кого земля только не носит, – пьяным ву-смерть голосом кто-то сказал.

– Лысый, ты гляди, да это же местные бандюганы! – воскликнул второй. – А шо мимо проходим?

– Не обращай внимания, – прошептал Грон.

Последовав совету младшего брата, Агрон попытался было пройти дальше, но тут несмотря на весь выпитый эль, один из пьяниц оказался достаточно проворным, чтобы вскочить прямо перед Агроном.

– Да ну куда вы так быстро? Мы с друзьями лишь хотим немного поболтать, – ухмыльнулся он.

– Э, парни, да вы поглядите! Они же совсем сопляки! – заметив молодость братьев, с удивлением выкрикнул ещё один из компании.

– Мы вам не сопляки, мы из банды мордобоев Гуся! – собрав всю волю в кулак, как можно грознее выкрикнул Агрон.

– Мордобои? Гуся? – хором рассмеялись пьяницы.

– Так а шо вы нам морду не бьёте, раз мордобои, а? – сказал тот, что стоял перед старшим и демонстративно подставил лицо.

Понимая, что их просто так не отпустят, Агрон действительно ударил обидчика со всей силы, какой только мог. Бедняга чуть не сломал себе руку, ведь правильно бить его никто не учил. От удара мужик упал, но его друзья даже в пьяном состоянии обладали удивительной прытью – один из них схватил Агрона сзади, другой же начал дубасить его по животу. На мгновение растерявшийся Грон схватился за дубинку, после чего огрел ею избивавшего его брата алкаша.

– Отстаньте от нас! – размахивая дубинкой, выкрикнул Грон.

Однако, его голос был далеко не угрожающий, скорее наоборот – загнанного в угол зверька, молящего о пощаде. Его брат пытался вырваться, но так и не успел. Двое ещё не успевших поучаствовать в драке пьянчуг напали на Грона, с лёгкостью отобрав у него дубину и ею же вырубив его.

– Не трогайте его! – закричал Агрон.

– Хе-хе, не переживай, сейчас мы и тебя потрогаем, – ух-

мыльнувшись, ответил ему вооружённый дубиной вражина. “Хрясь” – последнее, что услышал Агрон. Это был звук ударившейся об его голову дубины. Оба брата были без сознания, поэтому не чувствовали, как пятеро человек избивают их. Тем не менее, по голове их не били. Были пьянчуги местные, или залётные, но даже они понимали, что одно дело избить кого-то из бандитов, а другое их убить. Вдоволь насладившись избиванием и словесными оскорблениями более слабых, пьяницы решили скрыться куда подальше. Но никто из них не заметил, как один из собутыльников прикарманил собранные братьями денежки.

Так же никто из них не знал, что всё это видела одна из работавших неподалёку шлюшек. Девушка была хоть и распутная, но далеко не глупая. Она тут же побежала в бордель к Мамочке, и за такую информацию глядишь не только хорошенько накормят да напоят, а ещё и выходной дадут! И действительно, когда она закончила тараторить, Мамочка сидела с сияющей улыбкой. Способ выслужиться перед организацией без каких-либо усилий – прямо подарок судьбы. Часть людей она отправила на поиски грабителей, а нескольким велела спасти братьев-бедолаг. Какими-никакими, но они всё-таки были частью “пирожка”, и за их спасение, да если ещё привести виновных, можно рассчитывать обзавестись тузом в рукаве на следующих переговорах.

Прошло пару часов. Первым очнулся Агрон. Боль. Боль по всему телу, такая сильная, которой он никогда не испы-

тывал в жизни. Он приоткрыл один глаз, и увидел стоящего неподалёку, багрового от злости Гуся. Было больно смотреть и он снова закрыл глаз. Зато спустя секунду вернулся слух, и он услышал отборную брань их главаря.

– Так, этих в подвал, я щас приду, – закончив браниться, сказал жирдяй и подошёл к лежавшим на полу братьям. – Какие же вы бесполезные говножуи, а. Получили люлей от каких-то забулдыг, тяжелее пива которые ни черта поднять бы не смогли. Деньги просрали. Жаль люлей вам уже выписали, так бы я вас знатно приложил. Чёрт, с кем я разговариваю, вы же до сих пор в отключке.

Плюнув на них, Гусь развернулся и начал спускаться по лестнице в подвал. Агрон же, когда понял, что опасность миновала, тут же начал искать взглядом своего брата. Он лежал рядом, дышал, но не шевелился.

– Эй, ты живой? – шёпотом спросил его старший.

– Живой, – так же шёпотом ответил ему младший.

– Сильно болит? – переживая за брата, спросил Агрон.

– Болит так, что жить не хочется, – признался он.

В это время внизу Гусь начал заниматься допросом пойманных пьяниц. Оказалось, поймали не всех, лишь четырёх из пяти. Жиртрест расспрашивал кто такие, откуда взялись, чем занимаются и прочие обычные вопросы, которые задают в таких ситуациях. После того, как любопытство Гуся было удовлетворено, парни хоть и были наверху, но чётко слышали:

– Что ж, мужичьё, люля за люля – тут всё понятно. А вот то, что вы бабосы наши прикарманили, тут уже дело другое, люлями не отмажитесь. Где денежка? – громко спросил толстяк.

Самое главное, что настоящего вора не было среди пойманных, и вся четвёрка искренне недоумевала чего от них хотят, и перебивая друг друга кричали, что ничего не брали и молили о пощаде. В течении следующих часов ни Грон, ни Агрон заснуть не могли, так как они слышали только крики от боли и страданий. И песню. Одну и ту же песню, которую пел Гусь. Он явно придумал её сам:

Нога – люля!

Рука – люля!

Голова – люля!

Аха-ха-ха, аха-ха-ха!

Где денюжка?

Нет денюжка? Тогда...

И пошёл припев. Всегда один и тот же. Так длилось около пары часов, пока разнообразие не принесла поимка последнего из пятерки пьяниц. Увидев, что случилось с его корешками, пока его искали, он тут же во всём сознался, взмолился о милосердии и всячески пытался уговорить толстяка сохранить ему жизнь и желательно побольше здоровья.

– Ну, ты конечно и упырь, – ответил ему Гусь. – Эти четверо уже не жильцы, потому что ты, кусок собачьего вонючего дерьма, подставил их. А теперь просишь пощадить те-

бя? Хе-хе, не думай, что я устал. Для меня это была лишь разминка.

Дальше никаких песен не последовало. Вероятно, Гусь был всё же не такой простак, как думали братья. Ему не нужно было допрашивать вора, ему необходимо было его накачать. До самого утра бедолага кричал так, словно внизу открылся портал в преисподнюю, и он испытывал поистине адские муки. Похоже, что толстяк был явным мастером пыток. К удивлению самого Агрона, его начали посещать мысли о том, что жиртрест в некотором смысле становится его кумиром. Уж кто-кто, а этот персонаж в аду займёт явно не последнее место. Грон же наоборот в это время думал, когда толстяк умрёт, скорее всего, он на себе ощутит весь ужас, который он творил при жизни, но во стократ сильнее. Ад же, как никак.

Когда всё закончилось и пытаемый испустил дух, Гусь поднялся по лестнице с такой милой, лёгкой улыбкой. Словно сходил на удачное свидание. Притворяться спящими или бессознательными было бесполезно, это понимали оба брата. Они смотрели заплывшими глазами на своего босса, и в этих глазах был не просто страх, а настоящий ужас. Не дай боги он поднялся не от того, что закончил дело, а поднялся лично за ними? Не хотелось в это верить. Он мог бы просто приказать кому-нибудь спустить их вниз...

– Эх, обсёрыши, – вздохнув, обратился к братьям Гусь. – Лишили вы меня возможности дать вам люлей, ведь уже по-

лучили их. А вас ведь ограбили, получается. Да и деньги вы все не собрали. Получается, второй недели не прошло, как первое очко вы заработали. Ещё два, и будете у меня в девках ходить. Али просто прибыю, больно морды у вас противные. Я работать пошёл, и вы, козломордые, если через неделю не выйдете на работу, я вам сразу два очка добавлю. Мне насрать, что у вас там сломано-переломано.

Сказав это, Гусь удалился. Сутки не спал, но свою работу не переложил на других, стойкий мужик, подумали братья. И тут же поймали себя на мысли, что нашли чем, а главное кем, восхищаться. Из барака ушли по своим делам и остальные члены банды. Только сейчас парни заметили, что лежат на более-менее приличных матрацах, а не на лохмотьях.

– Наконец-то можно поспать, – на выдохе сказал Агрон и тут же вырубился.

Братья проспали до самого вечера. Но всё же голод взял своё, здесь нянек не было, и никто за ними ухаживать не собирался. Прекрасно это понимая, Агрон попытался сесть на матраце.

– Пойду принесу нам еды, – сухим голосом сказал он.

Но легко было сказать, а не сделать. Только он встал, тут же рухнул на колени от головокружения и боли.

– Похоже, рёбра треснули. Или сломаны, – прокряхтел он.

– У меня тоже. Вместе пойдем, – не смотря на сильную боль, Грон попытался ободряюще улыбнуться.

Так они и поковыляли вдвоём, поддерживая друг друга.

Вышли из барачков, по дороге кое-как, помогая один другому, умылись. Едва ли не ввалившись в таверну, они с трудом усадились за стойку. Люся посмотрел на них, покачал головой и ухмыльнулся, после чего пропал куда-то. Затем он появился с двумя глубокими тарелками супа, которые пахли на удивление изумительно. В нём явно были специи и какие-то травы, что было совсем не обычно для здешней похлебки, которую обычно ели братья.

– Особая жратва, помогает на ноги быстрее встать, – ухмыльнулся хозяин. – Вам повезло, что не Гусь вас отделал. Но, с другой стороны, пацанва, вам бы к Филу обратиться. Пусть хоть махаться вас научит, вы огребли от каких-то вонючих мразот, которым любой из банды с закрытыми глазами навалал бы. По перегару бы ориентироваться можно с такими, хе-хе.

– Кто такой Фил? – с жадностью поглощая еду, спросил Агрон.

– Занимается новичками, азам учит, так сказать. Найдёте его неподалёку от ваших барачков, буквально на север один дом пройти, – ответил он.

– А..., – тяжело дыша, – А почему нас сразу к нему не отправили? – спросил Грон.

– Дык а чего по зря человека беспокоить? Все ж думали вас если не в первый, так во второй день прирежут, – как ни в чём ни бывало, ответил Люся.

– Жесть какие вы добрые тут все, – буркнул старший.

– А как вы хотели? К нам, я имею ввиду в банду, чтобы попасть, люди столько всего творят в своей жизни несусветного, и раз уж выжили – можно и взять. А вы, городские, сами идиоты сюда припёрлися. Вас звал кто? Нет! – пожал плечами он. – Хрен его знает чё у вас в голове было. Я вот ставил на то, что вы в первую же ночь свалите отсюда кал роняя на бегу.

– А откуда Гусь взялся? – внезапно спросил Агрон, не обращая внимания на вышесказанное.

– В смысле откуда? – удивился Люся. – Тутошный он. Родился и вырос здесь, в трущобах. Если тебя его биография волнует, то сам у него и спроси. А если вкратце – родился, выжил, попал в банду. Ну до этого события, конечно, ни дня без драки не проходило, его тут каждая шалупонь знает. Так и попал. А тут и понял, что за еду и кров биться не нужно, так всё дадут, если работать хорошо. Вот он и цель себе поставил – работать хорошо. Других наказывать, если они работают плохо. Так и поставили его главным над мордобоями.

Дальше парни доедали молча. Никто на них не обращал внимания. Так же никто не помог им вернуться в барак, сами доковыляли как смогли. Не желая испытывать судьбу, вдруг вернётся хозяин матраца, они забились в уголок под лестницей, ведущей на второй этаж.

– Не знаю, как ты, но нам неделю Гусь дал. Рёбра-рёбрами, пару дней отлежимся, и к Филу этому пойдём. Через силу, через боль, но надо хоть чему-то научиться, – тяжело дыша,

сказал Агрон.

– Да, брат, ты прав. Я согласен, – кивнул Грон.

Так два дня парни и провели, выходя из-под лестницы только чтобы умыться и поесть. Нужно было как можно быстрее привести себя в порядок. И действительно, постельный режим, даже несмотря на отсутствие самой постели, дал свои плоды, как и особая похлёбка Люси. Хоть здесь он не соврал. На третий день ребята отправились искать того самого Фила. Нашли они его быстро, там, где и сказал им Люся. Фил сидел на деревянном стуле, потягивал табак из трубки. Он был невысокого роста, усатый, крепко сбитый. Завидев ребят, ухмыльнулся:

– Гы-гы, это вам недавно навалили, да? – спросил он.

– Нам, – кивнул Агрон.

– Если б нам сказали, что тут учат драться, глядишь и не навалили бы, – буркнул Грон.

– Не-е-е, драться тут не учат, – протяжно сказал Фил. – Тут морды учат бить. Драться из местных все умеют, по-другому не выжить.

– А какая разница между “драться” и “морды бить”? – с удивлением спросил Агрон.

– А вот утром завтра приходите, глядишь и узнаете, – усмехнулся их будущий наставник.

– Блин, да это целый день терять! – от злости топнул ногой Грон.

– А неча было вылёживаться до полудня, – развёл руками

Фил.

– Да-а мы и не знали, что по утру надо приходить, – с обидой сказал старший.

– По утрам весь барак дрыхнет, – попытался оправдаться Грон.

– Дык они же умеют уже, на чёрта им рано вставать-то? – рассмеялся Фил. – Работа у них такая, что форму поддерживать им не приходится, в процессе всё налаживается.

– Подожди-ка, так это что же получается-то, если драться тут все умеют, морды бить умеют, ты кого учишь-то?! – вдруг осенило Агрона.

– Ай, ладно, раскусили вы меня, – рассмеялся Фил. – Некого мене и правда учить, но я уже табачку тяпнул, расслабился так...

– Нет уж, давай учи! – потребовал Агрон. – Нам Гусь головы оторвёт, если ещё раз накосячим!

– Ладно, ладно, не кричи ты так, – смиренно поднял руки Фил. – Давайте так, вы сходите к одному товарищу моему, передайте вот этот кисет, пусть наполнит его. Обернётесь, там и поглядим, чаво умеете. Лады?

– А товарищ твой точно наполнит этот, как его, кисет? Или заставит за него платить, или, может быть, нужник выдраить? – с подозрением спросил старший.

– Да не, ты чё, какой нужник? – искренне удивился усач. – Люся жратвой да элем занимается, а этот, как его, вот тварь ушастая, вечно забываю его имя...

– Как можно не помнить имя человека, который снабжает тебя табаком? – вытаращив глаза, спросил Грон.

– Вот! Точно! Мы его так и зовём, Чел! – радостно воскликнул Фил. – Короче, пхнёте отседова отудой, то бишь направо, потом хату проходите, ещё направо, увидите хату, вот вам в неё. Увидите Чела,кажите табак для Фила, ну и кисет давайте ему. Только не забудьте забрать его, когда его наполнят.

– Не заплутать бы... – тихонько сказал Грон.

– Ладно, кисет, Чел, табак для Фила, разберёмся, – нахмурившись, сказал Агрон.

Несмотря на то, что пройти, казалось, нужно было недалеко, дорога заняла довольно много времени у ребят. Фил дал отвратительные указания, как добраться до нужного им человека. Спрашивая дорогу, кое-как парни добрались. Ведь если им и отвечали, так вхлам накуренные люди. Дойдя, куда нужно, они увидели высокую, очень худую личность.

– Ты Чел? – спросил Агрон.

– Я Чел, чел, гы-гы, – со смехом ответил тот.

– Тут это, вот, Фил просил наполнить, – протянув кисет, сказал Агрон.

– О-о-о, не-не-не, – замахал руками табачник, – Фил уже свой табак на этой неделе получал, три, или скока там, четыре дня ещё ждать ему.

– Об этом Фил ничего не говорил, он сказал отнести пустой кисет, забрать у тебя наполненный, – нахмурился Аг-

рон.

– Чел, Фил, может сказать чё хочет, хотеть чё хочет, но табак он получит через... эм, короче потом, он знает когда ему положено. Понял, чел? – разведя руками, ответил Чел.

– Теперь понятно, почему тебя называют Чел, – взявшись за голову, сказал Агрон.

– Да чел, я Чел, гы-гы. А теперь валите-ка отсюда, я хочу поговорить со своими тараканами, – сказал он и уставился в одну точку.

– Так, погоди-ка, – вдруг сказал Грон. – А табак-то всем полагается в банде?

– Табак-то? Табак-то да, всем, конечно, – кивнул тот.

– Ну так давай нам наш табак, – тут же потребовал младший брат.

– Та вы какие-то малые, куда вам табак ещё курить, – шурясь, пристально посмотрел на них Чел.

– Ты про возраст ничего не говорил, гони табак, – настаивал Агрон.

– А кисет у вас есть? А трубка? – не унимался табачник.

– Всё есть, трубку дома забыли, а кисет вот, один на двоих у нас. Нам много-то и не надо, – улыбнулся Агрон и протянул Филов кисет.

– А, тады лады, всё верняк, ща сделаем, – оживился Чел и куда-то ушёл.

Спустя пару минут он вернулся с полным кисетом табака, пожелал челах удачи, и принялся за разговор со своими та-

раканами. Назад к Филу парни вернулись гораздо быстрее, так как уже знали, куда идти.

– Ты нам наврал! – тут же набросился на него Грон.

– А? Чё? – едва ли не заснувший от расслабления, испугался Фил.

– Ты сказал никакого подвоха нет, просто наполнить кiset, а ты уже брал табак на этой неделе! – подхватил брата Агрон.

– Хе-хе, но табак же вы достали? – ухмыльнулся усатый.

– Достали, – бросив мешочек с травой бандиту, сказал старший.

– Вот, это и был ваш первый урок, – довольный добычей братьев, настоящим голосом сказал им Фил. – Морду надо знать когда бить, а когда можно и договориться. Про свою долю небось допёрли? Али чё для этого, как его...

– Да боги, как можно забыть, как этого чела зовут, если он сам всех называет “чел”? – возмутился Агрон. – Что в этом табаке такое, что после него все как в облаках витают?

– Пока я вас учу, вам этого лучше не знать, и отдавать свою долю табака мне, хе-хе, – усмехнулся Фил. – Ладно, первый урок на сегодня окончен. А завтра приходите на расвете, поглядим чё вы можете. На вид, правда, ничё.

Пререкался Агрон в этот раз не стал. Что толку от накуренного, дым едва ли не из ушей идёт. Попрощавшись с так называемым учителем, братья пошли назад в барак. Они снова улеглись под лестницей, хоть никаких занятий и не бы-

ло, но такие прогулки всё ещё не давались для них без последствий. Всё болело.

– Интересно, на еду нас кинули, когда ты отдал все деньги за неё, про табак нам никто ничего не говорил, про учителя какого-никакого, но тоже ни слова. О чём мы ещё не знаем и что нам полагается? – рассуждая, спросил Грон.

– Не знаю, но живы – уже хорошо, – буркнул в ответ старший брат.

Парни легли спать. Следующие пару недель прошли без каких-либо происшествий. Они начали ходить к Филу по утрам на тренировки, тот учил их нападать и защищаться. Никакой техники или хитростей не было, но для уличной драки или помахаться пьяным в таверне – самое то. Как и полагалось, в срок братья вышли на работу, хоть их раны до конца и не зажили. Сбор дани не вызывал никаких проблем, все платили исправно. Лишь один торгош всякой всячиной постоянно что-то бурчал, но всегда платил. В конечном итоге братья немного даже воодушевились своим положением. Их никто не трогал, хорошо кормили, учили постоять за себя, правда, они не знали, каким образом можно проявить себя, чтобы изменить своё положение в более лучшую сторону. Не всю же жизнь ходить деньги стричь со всех. Хотя Гусю вот нравилось, и никаких амбиций он не проявлял.

Кто знает, сколько бы всё шло своим чередом, пока в один вечер парни не подошли к лавке того самого ворчливого лавочника. Перед входом стоял крупный, бородатый мужчина,

облачённый в настоящую кольчугу, с алебардой в руке и мечом на поясе.

– Куда прёте? – спросил он братьев.

– Как куда, внутрь, за деньгами, – нахмурился Агрон.

– Пшли прочь отседова, пока уши не обломал, – грозно сказал мужик.

– Пропусти их! – послышался голос лавочника.

Охранник, а это без сомнения был именно наёмный страж, нехотя посторонился, и братья зашли внутрь.

– Видали?! Хрен вам теперь, а не деньги! – завопил лавочник. – Убирайтесь отсюда, и скажите своим, что Арман больше платить нисколечко не собирается всякому бандитскому отребью!

– Старый, ты что, из ума выжил? – с неподдельным удивлением спросил Агрон. – Да они же пришлют десяток головорезов, и те в землю втопчут твоего дылду.

– А фиг вам! – ухмыльнулся торгаш. – Я заключил контракт, и если с охраной меня и моего добра один человек не справится, они обязаны прислать сюда больше, хоть всю гильдию! Мы забаррикадируемся, они придут, и перережут здесь всех скотов, что будут посягать на мою жизнь! А теперь проваливайте отсюда!

Братьям ничего не осталось, как уйти с пустыми руками. Уходя, Агрон посмотрел на охранника и действительно узнал знакомую эмблему на его груди. Это и правда была целая гильдия, не просто там наёмники какие-то. Эти това-

рищи брали дороже, но славились тем, что исполняют свои услуги безукоризненно. У них по всему городу была целая система из посыльных. В случае беды, посыльный быстро бежал до ближайшего поста охраны и звал стражу на помощь. Таким образом, если получится продержаться некоторое время, можно было дожидаться крупной поддержки в виде как стражи города, так и членов гильдии охранников. И откуда же у старика деньги? В трущобах едва на жизнь хватает, а здесь накопил не просто там на какого-то охранника, а подписал контракт с целой гильдией.

Эту загадку разгадать братья не могли, но вот что они точно знали – Гусь будет недоволен. Они надеялись, что смогут избежать наказания, мол, не стали ссориться с целой гильдией ради нескольких грошей, пока не посоветуются с боссом. Собрав со всех остальных деньги, парни вернулись в таверну, где их уже ждал толстяк. Как обычно, он пил пиво и играл в кости.

– Гусь, тут всё, кроме одного – лавочник из западной части, что торгует всяким барахлом, нанял гильдию охранников из города, – кладя мешочки с деньгами, сказал Агрон.

– Гильдию, говоришь? И сколько же там охранников? – не поведя даже бровью, сухо спросил пузан.

– Да это, один всего, – растеряно сказал Агрон. – Но он с алебардой, мечом и в кольчуге.

– Короче говоря, вы не справились с работой, потому что там был всего один единственный охранник, а вас, как я ви-

жу, двое? – тем же тоном продолжил Гусь.

– Ну и это, как его, у них я слышал посыльные на побегушках, если что ещё позовут быстро. Они даже не боятся, если на них и десяток наших придёт, – неумело попытался оправдаться старший брат.

– Посыльные местные, работают на нас, а не на них. Ваша задача – собирать бабло, а вы, получается, бабло не собрали. Тогда что же, друзья? – спросил он тех, кто сидел с ним за столом. – Получается, лю-ю-юля-я-я заработаны!

Последние слова он громко выкрикнул, после чего тут же, не вставая с места, ударил в живот Агрона. Беднягу вмиг согнуло пополам, но не успел он очухаться, как получил размашистый удар от Гуся и отлетел на несколько метров назад. Грон не знал, что ему делать, то ли умолять о пощаде, то ли бежать, а вот Гусь не раздумывал и младший так же получил свою порцию наказания. Правило “Не бей лежащего” явно не работало в данной ситуации, и Гусь с удовольствием лупил братьев ногами, стараясь, правда не задеть лицо и прочие важные органы. Видать боялся не рассчитать силы и ненароком убить кого-то из них. Для братьев же занятия с Филом прошли безрезультатно – они сжались в клубочек и ногами и руками пытались закрыть жизненно важные места на теле, поэтому в основном, кроме боли, удары толстяка существенного урона их телу не наносили. Да, будет куча синяков, но хоть без переломов и прочих травм.

– Если завтра не будет бабла – завтра будет последний ваш

день, – плюнув на пол, сказал Гусь.

Он явно не устал, он лишь решил, что с парней достаточно. После этого, как ни в чём не бывало, он сел за свой стол и одним махом допил пиво из своей кружки. И продолжил играть в кости. Братья, помогая друг другу встать, поспешили убратся в барак, подальше от своего босса. Однако, на половине пути, Агрон вдруг остановился.

– Ты как, ничего в целом? – спросил он брата.

– Честно – думал будет гораздо хуже, – признался Грон.

– Тогда пойдём, – нахмурившись, велел он.

– Куда? – сплёвывая кровь, искренне спросил младший.

– Мы заберём эти чёртовы деньги! – грозно сказал Агрон. – Ещё рано нам умирать.

По дороге к лавочнику Грон интересовался, каким же образом они это сделают. Оказывается, у Агрона уже был план – он видел маленькую девочку в лавке, она явно была либо дочкой, либо внучкой старика. А больше родственников и не было. Дом двухэтажный, и скорее всего охранник дрыхнет внизу, а старик с дочкой наверху. При этом, дом достаточно большой, чтобы девочка могла спать явно не в одной кровати со стариком, скорее всего в другом конце второго этажа. Девочку при этом братья заметили не так давно. Может так статься, что это действительно его внучка, а деньги на охрану у него появились после смерти её родителей.

– Так что же ты хочешь? Неужели взять девчонку в заложники? – ужаснулся Грон.

– Именно, братишка, – злобно ухмыльнулся Агрон.

Подойдя к дому лавочника, парни обошли его сзади, и как умели, крадучись подошли к окну. Действительно, охранник спал внизу на кушетке. Рядом была его алебарда и меч. Разведка проведена, теперь же главной задачей было найти, как подняться наверх и попасть в дом. С первым помогли пара крупных бочек и архитектура самого дома. А со вторым... Трущобы, такие трущобы. Да, здесь все на замок закрывают двери и ставни, заколачивают окна и даже баррикадируются. Старик явно дорожил своей внучкой, но дабы у неё был хоть какой-то вид из окна, заколачивать его он не стал. Окно было заперто, но... это были трущобы. Часть стёкол были выбиты, и парни с лёгкостью смогли просунуть руку и отпереть окно. С одной стороны, было вообще удивительно, что здесь было стекло, а с другой – почему старик не заменил его. Вероятно, дорого менять каждый раз, когда его разбивают местные от зависти.

Агрон оказался прав. Хотя второй этаж и не был поделён на комнаты, всё же старик и внучка спали в разных концах дома. И так удачно сложилось, что парни влезли в дом со стороны девочки. Её часть этажа отделялась тканевой ширмой, значит, старик и охранник даже не сразу поймут, что произошло. Агрон подошёл к спящей девочке, ей было на вид пять-шесть лет отроду. Она спала мирным сном, тихонько посапывая. И вместо того, чтобы аккуратно разбудить девочку, дать ей понять зачем и почему братья сюда ворвались,

Агрон жестко схватил её за горло и стащил с кровати. Естественно, девочка проснулась в ужасе и стала неистово кричать. Да что там девочка, даже Грон испугался от неожиданного поступка брата. За ширмой послышалась брань охранника и полные страха возгласы старика. Агрон же, стоя позади девочки, одной рукой держал её за шею, другой приставил нож к лицу.

Сдёрнув ширму, с мечом наперевес, первым появился охранник. Тут же за ним был и старик, с полными ужаса глазами и горящей свечой в руках.

– Стоять, козлы, иначе я перережу ей горло! – выкрикнул Агрон.

– Ты не посмеешь! – закричал в ответ старик.

Однако Агрон посмел. Нет, он не перерезал её шею, но порезал своим ножом лицо. И это не был маленький надрез – порезал он от души. Девочка тут же взвыла от боли и закричала в истерике.

– Я сказал стоять! – снова выкрикнул старший.

– Эй, ты чего творишь, ты же её порезал! – полный удивления, шёпотом выкрикнул Грон.

Он не ожидал, что его брат действительно сможет причинить вред такой маленькой девочке. Он был уверен, что она нужна лишь для того, чтобы припугнуть старика да отвадить охранника. А тут такое...

– Ты... ты попадешь за это в ад! – выкрикнул старик, глядя на кровоточащий порез на лице своей внучки.

– Я туда напрямиком и собираюсь, скотина! – огрызнулся Агрон. – А теперь гони бабло! Быстро! А ты заткнись!

Девочка тут же перестала кричать. Слова Агрона и удивление одного из двух бандитов дали понять хозяину дома и его охраннику, что Агрон действительно не шутил. Ему было плевать на жизнь маленькой девочки, он был готов зарезать её, если придётся. Старик не стал мешкать и тут же принес небольшой кошель с деньгами.

– Вот, забирай всё, только отпусти её! – протягивая кошель, умолял старик.

– Нет, мне всё не нужно! – неожиданно для всех возразил он. – Отсчитай долю за сегодня, остальное можешь забрать, иначе у тебя не будет денег заплатить завтра! И послезавтра!

Старик не стал задавать вопросов, переложил лишнее в карман, и протянул Грону мешочек. Тот прекрасно понимал, почему его старший брат велел так сделать, переложил монеты в привычную для дани ткань и вернул кошель. Кошель денег стоит, им он без надобности, а старику пригодится.

– Значит дед, слушай меня внимательно, – брызгая от злости слюной, говорил Агрон. – Мы будем, как и раньше, приходить каждый день за долей. Ты будешь её отдавать и не выделяться. Если ты думаешь, что спрячешь девчонку и твой новоиспеченный хрен моржовый попробует нам помешать – ты ошибаешься. Я уверен, ты прекрасно знаешь, на что способен “пирожок”, и поверь, найти маленькую девочку с ярким шрамом на щеке не составит ни малейшего труда. А

если с нами что-то случится – её обязательно будут искать. Я ясно выразился?!

– Ясно, ясно! – завопил старик. – Да убери ты свой меч!

Последнее было для охранника. Дед боялся, что не дай боги либо головорез перенервничает, либо охранник, и случайно навредят его внучке. Стражник подчинился и убрал оружие в ножны.

– Грон, лезь в окно первый, а я за тобой, – велел брату Агрон. – А ты, старик, надеюсь больше не доставишь нам проблем.

Грон послушно вылез из окна. Брат последовал за ним, толкнув девчонку в сторону охранника. Дед тут же обнял свою внучку и принялся вытирать кровь с лица. Охранник же сыпал проклятиями вдогонку двум бандитам.

– Какого чёрта это было? – отбежав достаточно от дома, спросил Грон. – Ты же обезобразил девочке лицо!

– Ой, да она в трущобах живёт! Ей одна дорога шлюхой стать! – раздражённо ответил брат.

– Да, и теперь ей даже за это будут меньше платить! – выкрикнул Грон.

– Та плевать мне! – огрызнулся Агрон. – Может, вообще не возьмут, если рожей не выйдет! Но я больше не позволю жиробасу нас бить!

Весь остальной путь до барака братья прошли в молчании. У них болело тело от побоев и кипела кровь от перевозбуждения. По их возвращению Гусь уже спал, и они, в полном

молчании, решили последовать его примеру. Грон был уверен, что сегодня они перешли черту и не следовало так поступать. Но что он мог сделать? Он и представить не мог, что его брат на такое способен. Девочка ни в чём не была виновата. Агрон же, в свою очередь, ни о чём не думал. Он считал, что поступил верно, надеялся, что толстяк будет рад выполненной работе и спишет им косяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.